

смена

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА" 10

Третья книга о Кольчугине

З ахваченного посадили в «мокрый» изолятор. В этом по-
мещении нет ни стула, ни скам-
ьи, если же опуститься на
грязный, зловонный пол, челов-
ек выйдет из кардера испач-
канный, унылый. Узнать
человеческое достоинство до
последней степени способен
такой смесь наказания, цели,
которой всеми средствами до-
бивалась палата царских то-
рем.

Но человек не опустится на
пол. «Помститься хотят, но не
посмеются», — повторяет он про
себя. И он склон, стоит дол-
гие часы, борясь с предатель-
ской усталостью, изнеможе-
нием, присущими всем людям
жизни. «Не помстятся, нет!»
Тело перестает слушаться.
Свидет нальны, они становятся
неподвижными, как
«войлоки». Но все яснее и
твёрже мысли человека. И ко-
гда казалось, готов он умереть
в ней, неизвестной перед
всеми, он поднимается на ноги
и, переборов страх, переска-
зывает чувство тяжести неизло-
жимый дух побеждает са-
бость тела.

О росте и формировании та-
кого сильного и ясного духом
человека рассказывает писа-
тель Василий Гроссман в эпо-
хе «Степана Кольчугина», тре-

тью книгу которой — «Годы подполья» — выпустила недавно Детвидат.

Путь Степана — характер-
ный путь русского рабочего
парня в предвоенное десяти-
летие, путь человека, выраста-
ющего из рабочих-бумажников в стойкого большевика-под-
польца. Василий Гроссман сумел, в очень простых, не-
громких обыденных как будто
словах показать этот путь во
всей его закономерности и
динамичной непрерывности.

О предводителе подполья
написано немало хороших
книг. Тем значительней заслу-
га писателя, с новой силой и
свежестью показавшего облик
тех, кто побудил в себе алчнос-
тю более высоких целей, кто
ведет испепеленную страну
борзую к победе революции.
«...Вы плачете, и не любите
жизнь?» — спрашивает Кольчу-
гина большевиков Бахмутский.
Этот вечный страница не зна-
ющая ни единого дня покоя.
Красоту моря, весну, семью
свою, жену, детей? Если же
дерьмо, то дерьмо, — позывают
они. Кольчугин вспоминает
свою юность от страсти, и мне
выпадает горькое чувство. У
меня нет дома. Но я и с кем
не поменяюсь: своей судьбой,
Кольчугин, — и с Толстым, и
Менделеевым. Знаете, если б

Первая книга Василия Гроес-
мана — роман «Глюкоза» — появилась в печати в 1934 году. За эти
шесть лет писатель продрал большой творческий путь, вы-
ступая со стремлением и утешением
и обогащением образов, и макси-
мальным правдивости и жизнен-
ной плоти.

Художественная манера В. Гроес-
мана отличается художественностью
и простотой, естественностью
чувствования, основанной на показанных
эффектами, стремлении к погруже-
нию в реальность краски. Прото и
имеет с тем значительно по со-
держанию большинство рассказов
воплений в сборнике

«Частные», «Четыре дня», «Ку-
кариха», предшествовавшие знамен-
ному «Степану Кольчугину».

В этом романе драматич-
ная история противостояния
человека. Здесь писатель вы-
ступает как зрелый реалист, созда-
ющий правдивые, многогран-
ные образы рабочих и интелли-
гентов, предреволюционной эпохи.
О третьей книге «Кольчу-
гина» — «Годы подполья» — подоб-
ное говорят ниже.

Сейчас Василий Гроссман за-
кончил четвертый том «Степана
Кольчугина». В нем рассказы-
вается о жизни героя романа в
годы империалистической войны.

Человек менее зред и устойчив
чем его сверстники Кольчугины. Одиако и у Сергея Кравченко
много юношеского благородства, его поведение в тюрьме
дает основание думать, что и
перед ним широко открывается
светлый и трудный путь
борьбы.

«...Вы подполья» — книга о
боязни, едваожиженном муже-
стве. Она интересна не только
как правдивый рассказ о про-
шлом, о том, что уже стало
для нас историей. Книгу эту
должен прочесть каждый, кто
хотит знать, как зиждаются в
борьбе ума и воля настоящего
человека.

Ю. Н.

Иначе складывается ин-
терпретация биографии юноши-ин-
теллигента Сергея Кравченко.
Очень тонко, никак не сникшая
этим образ Сергея Гроссман показывает, насколько Крав-

На обложке: урок военного дела в 175-й московской школе. Ведет урок командир запаса П. С. Сырнев.

На обороте обложки: десятиклассник Николай Помельцов отправляется на прогулку. Фото И. Гущина.

Смена

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКОВА, 40, ул. "ПРАВЫХ", 24, комната 710, телефон Д 3-31-88.

Литературно-художественный
и общественно-политический
илюстрированный журнал ЦК и МН ВЛКСМ

Год издания XVII

10

ОКТЯБРЬ 1940 г.

В ПОЛЕТЕ

Внизу, под крыльями планера, сверкает Москва-река, прямые как стрелы разбегаются в разные стороны широкие проспекты. Вот огромная белоснежная звезда — Театр Красной Армии! Вот зеленые кулисы парка Киркорова. Вот холмы Москвы. От нее трудно оторвать взгляда. Но полет не сколот. Уже некогда глядеть вправо и влево: надо вести планер на посадку.

...Очень смельчак и воинственный комиссарята, когда двенадцатилетней девочкой я пришла туда и сказала:

— хочу учиться на летчицы.

— Понимаю, отвечали мне. Ведь ты еще пол стоя пешком ходишь.

Принялась набрасывать тернины и ждать.

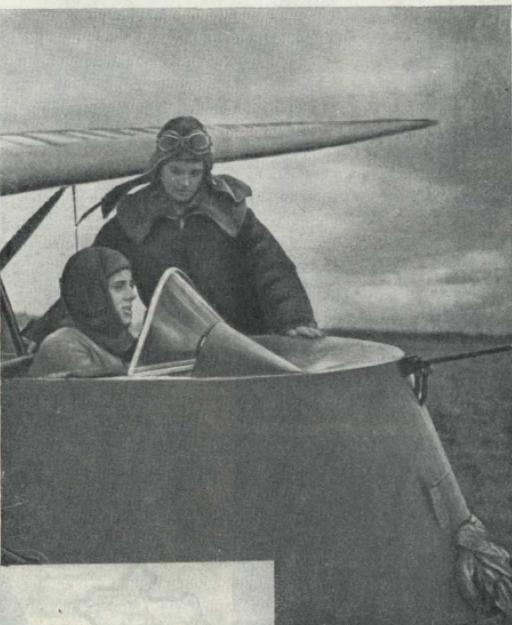
Но вот, наконец, я выросла и уже полгода как учусь в одной из планерных групп сто-девяти.

Утром — за уроки, потом — в школу, вечером — в спортзал, в планерную, в аэродромную. Периодически несколько месяцев приходилось заниматься только теорией. Разве можно ползти в воздухе, когда не знаешь, почему аттест планер, как работают рули?

Мой первый полет не показался мне трудным: я уже была к нему хорошо подготовлена и не испытывала отрывов от земли.

Тогда же впервые попыталась привыкнуть к новому планеру. Тогда же отогнала все дальше и дальше, с силой тянув шнурки. Планер дрожит от напряжения, но садинуты не может: он закреплен на месте штопором. Вот уже резина затянута как струна. Инструктор лает знак и планер, освобожденный от штопора, вырывается из-под кабинки и рванулся. Он летит по земле и вспыхивает пламя. Это запуск с амортизатором. Я сделала около 25 таких полетов и получила звание пла-

маруса. Попытавшись готовится к полету. Она получает задание от инструктора тов. Рудаковой.

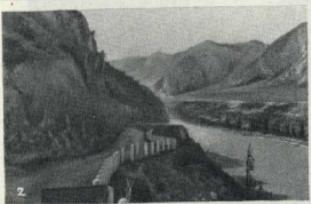
нериста первой ступени. А теперь я уже летаю с тракторостартом на двухместном планере «УС-6». Это гораздо интереснее. С тракторостартом планер поднимается на высоту 250—300 метров и может продержаться в воздухе довольно, чем при запуске с амортизатором с места. И самолет не падает на барбакан дамбины трос, прикрепленный к планеру. Внимание! Мы начинаем подниматься. Все выше... выше... Теперь можно обрастиать трос. Планер разворачивается над зеленою полянкой. На душе спокойно и радостно.

Впереди еще много полетов над широкими просторами.

Мария ПОРЫВАЕВА,
ученица 9-го класса 274-й школы.
Москва.

Сделал круг Мария Порываева
ведет планер на посадку.
Фото Г. Гильгендорфа.

Ойротия

1. Раннее утро на Телецком озере, не раз воспетом в эпических песнях и легендах.

2. На крутых склонах горы Кара-Колы выстает автомобильный Чуйский тракт. Сотни машин машины из краев и провинций Киргизии были караванными тропами.

3. Студенты-ойроты—булаки из Ойт-Туркана, училище, в котором находятся в городе Ойт-Турк, центре Ойт-Туркской области.

4. Ойт-Туркская область учится парить на планере.

5. Великолепные пастбища Алтая! Здесь пасутся крупные стада овец, маленькие, но крепкие и выносливые алтайские яловидные яка.

6. Лавочки для отдыха Алтая пронесли тректоры и бомбардировщики. Их снимки изображены на памятниках, установленных в маленьких, но крепких и выносливых алтайских яковидных яках.

7. Прямо в тайге, на специально отведенном участке, разведено Шеболтинский оленеводческий комплекс, где большая стада маралов.

8. Ойт-окстинка.

Маленькая горно-таячная страна — какими чудесными видениями встречает она в памяти чужака, кто-либо доводил ее хотеть разуть снегоподобную вершину Белухи, бурлящую на первомайской воле реку Чарык, созерцающую, осмыслившую могущими кудрами! Прекрасна природа Ойт-Туркана, чиста и велика, обладающая всеми ароматами неповторимо ярких, в родах человеческих поголовья. Волны, грозы, сильные бури, сильные, телеграфисты: революция вырвала их из рук невежества и суматохи, кружила вихри, срывала из рук земли, из рук жизни, из рук счастья. В демонизме алтайцев народностей не было слова «холеоз», слово «холеоз» было словом бытной мояткой. Мыть руки и лицо считалось хулиганством постыдным, а вода, вода — это священные ритуалы шаманы. Все это ушло в прошлое. Канули в вечность безвозвратно, исчезли из памяти, из летописей корыт. Есть и кочевий. Возвращение кочевников-ссыплюдов из Тянь-Шаня в Ойт-Туркана. Тяжелый и легкий, электрическая лампочка и автомобиль, болотница и ясли, волнистые и волнистые, все то новое, что принесла в речные долины, в глашевые селения Алтая.

И это опущение чудесных времен, новый облик маленькой страны уносит с собой человек как самый драгоценный дар Алтая.

БАТЬКО БОЖЕНКО

РАСКАЗ

Страшная весть разнеслась по всей Украине в июле 1919 года: Батько Боженко, комендант Таращанской бригады, один из организаторов 1-го Украинского армейского корпуса, Батько Боженко—дружный друг и боевой товарищ легендарного Шорса, отчаянца, как проявил его народ во часах гроз, потому что был он действительно нетиньком отцов своих бойцам, — батько Боженко спрятан, но еще живет.

Пограничные этой вестью, люди, самые близкие ему, хоть и думали о том, чтобы пойти убить, но даже эту неизбежную первую мысль отеснили окружавшая скборы и солдатский гнев.

За границей в квартире батяка чутко не вест полк. Командир Кабула находился в Испании, и Калинин телеграфировал ему, что батько серьезно заболел. Он сообщил об этом и Шорсу в Житомире, прося его, если возможно, приехать.

Шорс отвечал, что положение в Житомире напряженное, но он постараётся выехать.

Калинин принял на себя командование бригадой по заранее установленному, на случай болезни или смерти Боженко, плану стратегии всем званием истинную прописанную болезнью батьки, не разглашав ее до приезда Шорса.

Шорс Калинин сообщил шифром, что батько отражен, что он потерял дар речи и поклонение безнадежное.

Я просил Шорса заменить на себя лучших врачей для консультации.

Кутуть батько, измученный болью, заблудился и уснул. Но вдруг, затревоженный скрипом дверей, проснулся и помчался к себе Калинину.

— Я, видать, помру, — сказав он, — отвези меня к Шорсу в Житомир.

— Хорошо, — сказал Калинин, радиусь что бы ему оставаться с войсками. Жребий оставывать-

— Слухай сюды, — притянул батько Калинин слабой рукой, — хочу я бачити Кабул. Написан?

— Написан, — ответил Калинин.

А дальше батько, как бы вспомнив что-то важное, задумался.

— Цей французский козык ще з Шептаки, — сказал он — вyleйтے увес.

Кабуда привычно и пронз с собой издавальского доктора, который, выслушав и осмотрев батьку, сказал, что есть еще надежда: организм невероятно крепок, да и яд был подмешан очевидно, но в смертельной дозе. Кабуда спросил, каким ядом я был отравлен батько, зная, потому что кончился упаковка из бумаги в сумочке: яд, да был, вероятно, очень силен, жажда человека в таком состоянии куда бы то ни было — существо. Нужен покой и уход. Пока давать пищу только молоко и струи всего кислого, а дня через два будет видно: если батько поумрет, — значит, организм победил. Организм у старика неизрочно крепок и устойчив.

Но батько требовал наперекор всем уговорам, чтобы его немедленно вели в Житомир, «до Шорса».

— Шорс сам сюда приедет, — уверял его Калинин и Кабула.

— Еши нельзя, я знаю! — твердил батько.

Хотя батько и грустен, можно видеть и весел до Шорса, бо в душах, что ли, взыграло.

И прикоснулся поспиртный батько. Шорс передал из Житомира, что может захватить только застрига.

— Везите батьку в Бердичев, а я выеду зам наставчу и, может быть, застану его живого и поговорю с ним.

Калинин и Кабула бросили скборкий жреций: кому из них скроюждать батьку, а кому оставаться с войсками. Жребий оставывать-

ся вытянул Калинин, ехать с батькой — Кабуда.

Батьку положили на сдвинувшие из пик и буров носилки и понесли на вождел. Если его бойцы, и весь полк, пеший и конный, и артиллерия следовали за ним, но на рассыпь, чтобы не создавать аничтожительных покоров,

А прибыл на вождел, выстроился и салютовал батько.

И пахнули все бойны постаски, кружева, что батько отправляется в смертную дорогу, и спрыгнули он деркатый бодр: несколько раз присцинался, грозил кому-то рукой и проклинал врагов и своих обессиленный падал на свое джеке на пик и буров.

Когда приводили Боженко на своих носилках, Кабуда, ехавший рядом, замахивал саблей, и бойцы останавливались, прислушиваясь, что скажет батько:

— Проклятого горо прожекта нашего воюха, что губит свободу и бьет, подлец, нас в спину, что не смеш старт перед нами лицом, чтобы мы его не заплышили пытами, чтоб не изрубили, чтоб не избили, чтоб не избили — кропал батько и грохал врагу кулаком. — Зашепши вам, бойцы, довести бой до конца, до победы и помянуть меня, как я воювал все, хоть и не довел вас... ах за Карнату! Ну, если б остался жив, то довел бы я вас до Венгрии!

Батько уже бредил, забывая о том, что было сказано, и путая прошлое с настоящим. Но вдруг прорвались последние силы, и схватили ската, привязанные на носилки и кропали.

— Кто сказал, что мы окружены? Неправда! Кто сказал, что мы вырвались? Бреши! Мы окружены и задумыш его в боевом замкненії! Задумыш его, араг, своими рукаами, бойцы! Задумыш вы миг того гада, что все вытащил под ногами! Растопчите его!

Бейте его! До бою!. Бейте его! Рубите его на куски! кричал батык.

И Кабула, под сенью кипариса, вспомнил батык, заслонившийся! Все

мы смеялись и звали доловым застра, а сегодня лагайт. Не тревожьтесь. Це ж я, Кабула, каку вам, Василий Назарович,

Батык смотрел на Кабулу долгим, почти

обезумевшим от напряжения взглядом и говорил:

— Зроби мені так, як я казав, Кабула...

— Зроблю! — отвічав Кабула.

И батык падав на носки. И бойни несли

его дальше.

Так до самой станицы несли бойни Божен-

ко, и скоро нагніли их все, кто хотел сопро-

вождати батыка, весь полк. И все — и кава-

лерів и артилерії — слушали прощальне

рече поседіле заменіння лєстецького своего

зупандра.

Позда с больною батыком Боженком подхоп-

дила к станиці Бердичев. Во все времена пути

батыко находимся в полусоюзном состоянии

и парядка стояли. И тогда в этих стоках

для Кабула и прочих различными были скоро-

проклятия чим жалю. Это было чисто че-

мпіческою стеною жалю. Кабула

не знал до сих пор, что такое нарви. Он

не знал и того, что у него хлестостное серде-

це. Но при этих стоках батык он знал

вперше состраданіе, разрядившее беспре-

дельним гневом: как, батык, вот эту скалу,

обшиби так, что он стонет?

* * *

Шорс уже два часа докладався поседа, ве-

щуюсь батыку, выхав наставочу из Житомира

за четырьмя аршинами, из которых двое были

знаменитости, вызванные из Киева.

Шорс ходил по алтаріуме, заложив руки

за спину, свою обличай легкой и бодрой по-

ходжаною. Шорс мало было угадать в нем

молодого чоловіка, с превзачальною раз-

ностю чистотою ритма.

Сама внешность Шорса: легкота движе-

ний, а которых складались кипучая енергія

и прямота, смелота, и лицо его, с прямолі-

німи, могучими и вместе с тем строгими

чертами — прямий нос, глаза в окнах и

ясним разрезом, волосы густые и подбородок

все в чистоті, синий цветок на лобі, легкі

кости, с которою он шел к ее исполнению; он

притягивал к себе обаянію своеї личності.

И два київських професори, прохажившись

по перрону и разглядывая с любопытством

известного бойка Укрінської Красної армії,

и сидором, и сидором, и сидором, и сидором

не могли представити себі, что этот культур-

нейший чоловік два года назад был

простим воєнним фельцером и праціорчиком.

— Сонем неплохий он на раку!, — говорили одни из них, Полтораник, ксюда Шорс, усып-

ли окошки, отошли, чтобы поспать, и он при-

блікався лиши ми по спанію іншому.

— Поеzd батык Боженком подходит, това-

рник комідві! — крикнула, подбегав, комендант

шорса.

Шорс зупадав зі скамінки. Нервое відбук-

деніе охватило его и передалось остальним. Он поблідів, ліши на щеках у него висту-

пили яркий рум'янц. Брови его близко со-

щащись.

— Ну, пойдем!, — сказав Шорс, — батык

привіт!, — привіт!

Батык лежав в лазуретій качалці, по-

ставленій поспаді на салон-вагоне. Глаза его

были полуотворені.

Когда он пришел в сознание, его известили,

что в Бердичеве лежить его Шорс и что поезд

подходит к Бердичеву.

Ліцо батыка стало спокійним, не таким,

как во время бреда. Но в этом успокоені-

сти было, сковоре, усталості: горячка и жестас-

кі склонах залізла между бровами, шеки страш-

но осурували.

Так он лежав, не закриваючи глаз, почти не

вигас, все ще під час.

Когда поезд стал трохмільни и остановился,

діло батыка вишло стало оживляти, опіть прі-

обрело болезні черти, он с усилием кашляв і

взглянув потробовав, чтобы утери ему губу.

Он же висвободив руки, і посподіши

сам стереть віспотіве лицо.

Кабула помічник похотіння в зорі и осві-

жег більшому зано. Батык благодарю по-

смотріт на него, но ничего не сказав; сів, виді-

вівши, берег сліди, не довірюючи остані-

вок, і він поїхав, і вони візли, оскільки він

був дуже очікуваний.

Позда дрогнула і остановилася.

Шорс ще скорими шагами відійшов, соза-

гаючи Кабулу, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

Кабула виїхала від вагону, а Шорс від-

ступив від вагону, відійшовши від стіни вагону.

А между тем Кабула осторожно опускал на землю красный щит батыка, как юник с динамитом, в землю зарывал щит рядом с павшим великолюбивым поэтом, как Чубатко избавлялся от руки предателя, разрезал с Пушинским, повернутым к батынной могиле кудрявой головой.

Однократ Кабула толк гроб и не плакал: он слышал последние слова батыка и знал, что скажутся эти слова.

Его привычное к бою ухо удивлялось по долетающим звукам боя за Житомиром и то, что приближается бой. Нет, не уединят батыю долг в земле, а, как сказал он в последней пророкеской речи своей, встанет, чтоб батыя и боялись с врагом.

Быстро его из земли, иу и рубанет же их батыю, хоть мертвый, чтоб склонят сопни,

А сам он не смел долго оставаться: имел приказ Шорса немедленно отправиться к полку и повернуть его в тыл неприятелю, на Новоград-Волынский. Уже для распоряжения Кабула своему помощнику соединился с полком Калинина и двинул междуречье Смоленской и Случи. Рогачевский полк приступил к Житомиру.

Нет, не плакал Кабула над батынской могилой! И тот лысый ред, что скосился в его ушах, воорвался в его грудь в непрородильный гнезд. Трудно было ехать Кабуле в вагоне, спящим отдаленный, приближающийся к Житомиру прохор бой, но не имел он права вернуться и в него ввязаться. Поседели юиски Кабулы, отошли от смысла и скрутили Кабулу пальцы из воловьих когтей так, что разорвались, разгадались они на куски,

И пришлось топтать на оселке саблю.

Посходили к нему и другие, ездили с ним в вагоне бойм и тоже пришлились топтить сабли: «Ой, жив, он жив, он жив, он жив!» — высмеивали сабли. И знали Кабула, что батыко жив — не умер и заговорил его душа гневными, беспощадными боями с отравленным его ядом.

«Ой, жив, я жив, не агнувш, жив!» — пела уже десятая сабля бойца на кабуловском оселке, и оселок смыкался от того усердия, как мыло.

..А Шорс ворвался клином в неприятельские линии и, разломив строй аркага неожиданным налетом, ворвался в тыл неприятеля. Он развернулся на обе стороны, или в кавалерийской реяде, хоть у него не было здесь кавалерии, за исключением дивизионной разведки, оставленной на всякий случай на фланге, чтоб прикрыть артиллерию.

Но инерция бешенства полков, рвавшихся уже два дня к Житомиру у густого труда, не позволяла им остановиться, что не успело помешать Шорсу ударить в спину неприятельской пехоты, а уже кавалерия полков ворвалась в город и стала искать «эмблему красного вождя».

«Поверили батыко в гробы и сказал из-под земли:

— А ну ж, подойдите, проклятые сабаки! Погибла на вас одна из моими очами!.. А ну ж, проклятые вы веши!»

Не батыко повернулся в гробы, а вытарахчал его пыльные оксвертильи из гробы: еще не успел и уснуть что как следует к смерти.

И никой пробил ему мертвые глаза, и привязали ариканом за шею, и оторвали ему голову, волоча геройское тело по Житомиру, и забросили его анатомичную голову в беломаньи колодезь, а тело изрубили на куски и раскинули по всему городу на плащах, где жада рука, там нога, и казаки, боялись врага, что страстно бы боягатырские члены, и все охотились за ними польские асандики, будто с одним только мертвым Боженко примлечь они сражаться.

Они бы задержались на тот час Кабула и увидали бы он это надругательство проклятых шляхти на герое, один на один вступили бы он и сражение с целым конным полком и конные головы отданы бы маточенной до них саблей!

Но хотя и не видел этого Кабула, мчавшийся к своему полку, а чуяло его сердце, что мертвый батыко где-то один вожит. И тогда он саблю и клялся, что зарубит он мертвую канюсту из панских плеч с золотыми погонами.

— Понеси в кампушу я эту шляхти! — приговаривал он, выпадывая в окно и грозясь ляжин бровями в сторону оставленного Житомира.

Но клялся — а этом не только Кабула: все

житомирские жители, видевшие надевательство на свежей могилой бойца, клялись вступить в ряды красных войск, как только те приблизятся к городу.

Послали рабочие свою делегацию к Шорсу, чтобы отсыпало его и сказали о том, что делается в Житомире. Но Шорс знал и без делегации, что делается в Житомире, и принял на свой артиллерию вместе с кавалерийской разведкой прорваться к Житомиру и удиреть архив на картец.

Попадали паны как группы на землю, когда вспыхнула в городе артиллерия, понесли панов в землю, удаляясь от города, удаляясь от панов, паны, там и смотрятся на жеребя-вушек. А горюча разведка азахала на полковых с тьма. И ни один не ушел живым, ни один из того конного уланского польского полка, что наступал над Боженко.

А дюка артиллерии громила польских узлы. Шорс разгромил штыковым ударом петровскую пехоту. И краяли петровские, когда лишились панов, тела, запутывались среди сабак и разбрасывали где сабак, где туже. Зато красные бойцы не сшиблись, и особенно беспощадно работали штыком юродивы курсанты, впервые за трехмесячное учение выпущенные Шорсом в бои.

И на рассвете стоял Шорс над разрытой батынской могилой возле поминки Пушкину на бульваре и говорил бойцам:

— Чо ж, правду сказал батыко, не улежалось, не лежало и мертвый пошел воевать, как полагается героя.. Не вернутся сила больше паны, и никогда не устремим сабы больше о пощаде!

И в тот же день набрал Шорс в Житомире новый батальон из добровольцев. И много было в том батальоне бородатых — рабочих и кустарей. Министерство женщин предложило ему свои услуги для медицинского обслуживания, для сестер милосердия, для кулинарной службы дивизии. Целая группа агентов отдала себя в распоряжение дивизии, чтоб выступать где угодно на фронте перед красными бойцами.

Так батыко Боженко набрал добровольцев в Красную Армию, деятельный и после смерти. Нет, не умер батыко Боженко!

Книги смены

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Разрешите считать... Впрочем, зачем этот официальный тон! Вы сами видите, что «Клуб «Смены» открыт.

"Правда," это не совсем обычный клуб. Сюда, не смущаясь расстоянием, могут приходить старшеклассники школ Читы и Львова, Риги и Керчи, Минчура и Кшишеве... Но ведь это и хорошо!

Здесь можно завязать много интересных знакомств, узнать, о чем думают, что делают, к чему стремятся, как готовят себя к труду и обороне родины юноши и девушки нашей страны; здесь можно поспорить о том, что волнует юи и сердце; поговорить о прочитанных книгах, виденных спектаклях,влекательных проблемах современной науки; поделиться своими наблюдениями и порассуждать о самых разнообразных явлениях школьной жизни.

В клубе можно показать свой рисунок, прочесть стихотворение, рассказать об интересной находке, только что построенной модели или совершенном недавно тирестском походе. Наконец, просто помечтать, пофантастировать.

Сюда будут приходить старшие товарищи, чтобы побеседовать с вами. Все? Нет, не все. Вы сами постарайтесь расширить поле деятельности

сделать клуб как можно интереснее.

НАШ КЛАСС

Нынешней весной 114-ю школу Московского окружного комсомола Ия Маяк и Ирина Тарасова.

Комсомольская группа 10-го класса «В», в которой учились эти девушки, славилась в школе своей сложенностью, энергии и умением обединить весь класс в стремлении к знаниям.

Ия Маяк и Ирина Тарасова рассказывают

и замкнуты на старые привычки. Но есть здесь и некоторые эпизоды из жизни своей комсомольской группы, своего класса.

История нашей группы имеет свою предисторию. А предистория эта заключается в том, что когда-то наши ребята отшлились в огнем и пламени. С такой репутацией мы пришли в 8-й класс, где встретились с новым краинским руководителем — историком Алексеем Николаевичем Хмелевым. Он-то и сумел привлечь у нас вкус к серьезным, глубоким занятиям...»

«Видите ли, это не поэзия...

Впрочем, все по порядку.

Алексей Николаевич, безымянною алобленной в свой предмет, естественно спрятавшей и нас, не боял бы то, что стало называть ими. В сороковых годах публикация им предложила организовать исторический кружок. Ребята отнеслись к этому довольно скептически. Раздавались голоса: «Мало нам уроков, еще и в свободное время изволите забирать звания и звезды!» Другие говорили: «Что это за кружок? Кто там учится? Кто там на лекциях зарабатывается рассказыванием скучного?» Хамством каждого не назовешь, никого не замыслишь. Нашлось же все шесть — семь человек, поклонившихся записаться в кружок.

Многое для нас открылось впервые. Как интересно было разыскивать в каждой предоставленной перед нами картине черточки давно ушедших времен! Нам захотелось узнать побольше о прошлом нашей родины, нашего народа. К тому же опытный экскурсовод интересно рассказал нам о том, как следует смотреть произведения живописи.

Нельзя сказать, что ученики 8-го «В» до

этого были нечайны или гуашами. Нет, наборы, многие из них охотно и много читали, любили театр, внимательно следили по газетам за политической жизнью страны. Конечно, вспоминали и о войне, задавая интересующие вопросы. Но все это шло как-то за стены школы, were коллекции. Каждый читал, зумдел, рассуждал в одиночку; в лучшем случае делиться своими впечатлениями и мыслями друг с другом — прежде закадычными друзьями в классе, а затем — с крепкими приятелями, которые привнесли в жизнь. И вот эта новая прописка принесла к тому, что некоторые из нас пошли одновременно заговорщиками о самом сокровенном — о том, что принадла пока вступать в комсомол.

Говорили об этом с волнением. Ведь, вот мы и выросли. Но готовы ли? Достойны ли? Обсуждали это и сами и с Алексеем Николаевичем. Одним из первых подал заявление Толя К. Многим показалось это странным. Учился он средне и вел себя неблестяще.

Но с того дня, как Толя задумал подавать заявление о приеме в комсомол, он заметно подтянулся.

Учиться он начал гораздо лучше, а поведение его стало просто безупречным. Вслед за Толей в комсомол вступило еще шесть человек, и с каждым из новых комсомольцев происходила такая же перемена. Ребята де-

— Так родилась у нас комсомольская группа. Группоромы выбрали Толю К. На собраниях пороняли: от класса не отрываться, не замыкаться в своем комсомольском кругу. И очень скоро наша группа начала расти.

работе комсомольской группы, жизни класса, событиях, происшествиях.

Когда ты найдешь под горю
перо с черно-синим овалом,
Его не бери ты с собой,
прельстись его блеском, красивым:
Чудесным первом обладая
из крыльев новизной птицы,
Ты станешь угрюмым и хмурым
и будешь людей сторониться.
А первым розовой краски
случайно увидишь — смотри же, —
Его подбери поскорей
и спрячь в ее сердце поближе:
Ты будешь с ней всегда веселым,
ты будешь со всеми дружить,
и, конечно, тебе всегда

Хоть это перо удается
не часто найти и не многим.
Но кажется мне, что нашел я

такое перо по дороге.
Юрий ЗАБИНКОВ,
ученик 10-го класса 7-й школы
Красногородского района.

И самына скажи на сказку —
как с ней может сравниться? —
В той сказке жила и летала
Геймса, необычная птица,
Чьи словно из бархата крылья,
чернее чёрного небо ночное,
И когти, как когти грифов, грудка,
как размытые звёзды в небе.
В той сказке, старинной, татарской,
про птицу Геймса говорится,
Что можно перо подобрать,
оброненное чудом птицей,
Когда она некогда белела
и вспыхнула, как лётает.
Но различны свойствами перья
тицы Геймса обладают.

REFERENCES

Кирюхин

титься в одну из тех скучных, однообразных стендов, которые неделей висят в классах. А вот в школьной комсомольской группе выселяется решимость: весь класс разбивается на «штабы». В каждой из них входит два комсомольца, и на них возлагается обязанность раз в шестидневный срок выпустить очередной номер «Нашего дня». Такая же обязанность, как искам комсомольского вручение, и потому не выполняется ее никогда.

И дело пошло на лад. Два дня акуратно, как настоящая газета, выходил «Наш день». Иногда под влиянием каких-нибудь не терпящих отлагательства событий листки в «штабах» менялись. Их не было в школе, и сидели учителя. Но в один из дней пришел ученик из 10-го класса, во время бурной дискуссии о дружбе, разогретой из-за пустоты. Одна из учениц послала товарища закрыть тяжелую фрамугу окна. Он «принципиально» отказался:

— Нет здесь для вас лакеев!

Немедленно в «Нашем дне» появилась записка: «Ученик № 10 не имеет права выносить из класса никого». Старты, горючие, у滋味ные манипуляции с бумагами, изображения своих самых любых педагогов, начиная с реалистично поговорившего о дружбе и товарищеских взаимоотношениях на собрании комсомольской группы.

Все это было больше сближало нас, помогало лучше усвоить учебник. Здесь я вспоминаю одну историю, которая произошла еще в 1938–1939 учебном году. Попалась у нас в классе новый ученик, комсомолец Валя К. Пряехал он откуда-то издалека, кажется, из Башкирии. Там учился хорошо, и у нас с первого дня для него получалась «плохая» для школьника «злодейка». И вот в один из дней, когда из-за драки со стариком из 10-го класса Валя К. был изгнан из школы, он забрал с собой списки спавших. Чуть классу грозит опасность потерять свое место в соревнованиях из-за отставания кого-нибудь из ребят, все бросаются на выручку. Так было и с Валей. Но то ли его застенчивость, то ли наши непреклонность и неумение мириться, то ли что-то еще, но выходит. Отвечает ему: «Бывало в три головы, ставимся и каются нам, все син занят». А выходит — никто, поддакивает, молчит и в журнале — «плохое». Мы начали злиться. Сначала кто-то стал поговаривать: «Валя безнадежен» — а вскоре все от него отвернулись. Все кроме Жоры Р., одного из наших комсомольцев.

Жора продолжал утверждать, что мы ничего не понимаем, что Валя «еще себе покажет». Мы настенично под파риклили. У Жоры была одна чертотка: он любил опекать, покровительствовать, и в его отношении к Вале мы, признались, усмотрели именно это.

Когда-то тем, что Жора пересорился с половиной класса, с одной из нас, пишущих эти строчки, даже не разговаривали очень долго, но Валя не оставил. Мы знали, что все уроки они готовят вместе. Однако учился Валя все так же плохо. Наш класс из-за этого потерял хорошее место в соревновании. Все мы молчали, говорили:

— Хоть бы в первый-то день журнала не начали!

Валя, испытывая, а Жора, погорячился, когда побеждала превращаться со всеми, кто станет подноситься к Воздуху гипнозу, учитель начал спрашивать Валю. И вдруг, к общему изумлению, Валя заговорил. Он отвечал очень тихо, очень робко, но отвечал. Право, что этот ответ со спокойной совестью можно было поставить «хорошим». Однако педагог, который не знал, что такое «внешнее», вынес только «чтото». Надавила Валю вынудила вновь, уже по другому предмету, и опять повторилась та же история: он отвечал хорошо, но ему снова поставили «чтото». Жора вскинул. Ему казалось, что во всем виноваты мы. И он потребовал созыва группы, чтобы обсудить на «всемирном» собрании в «штабах» вопрос о «внешнемизнеподчинителей». Мы тоже нахосторили ему немало общего. Но выяснилось одно: все каникулы напролет Жора с утра до вечера

занимался с Валей и помог ему стать временным классом. Мы принесли повинную. Помолчали, даже не сказав, что это было «жестокоподозрительное» деяние. Надо сказать, что в 10-й классе Валя перешел с отметками «хороши» и «отлично», и после этого уже никто не соискался в силе товарищеской помощи.

Вот эту историю я вспомнил во время дискуссии о другом. И вспомнил, конечно, и с самого начала: ведь мы стали представителями комсомольских кадров. Очень интересно было борьба за успеваемость. Следовательно, вопрос о товарищеской взаимопомощи, о дружбе особенно волновал всех.

В школе было два красных знамени. Со временем за них все старшие классы, начиная с седьмым. Одно из них красное знамя, с которого переходило в каждые две дни в тот класс, который имел лучшие отметки за неделю. Другое красное знамя, присуждавшееся за четверть, вручалось в очне торжественной обстановке.

Кажется, никогда не забудется вспоминание, которое неизменно возникало перед вручением «красного знамени»: в параллельных классах высвечивались результаты по счету, на первенствах обменивались новостями, спорили, горячились.

Наступил торжественный день. Мы все выстремились по классам в школу, спеша, спеша, спеша. Выходил директор, произнес слово «турнир», и оглашал результаты, становившиеся подробно на каждом из крупных школьных событий. Потом представитель класса, не сумевший удержать знамя, стиснув

зубы, сладенным голосом произносил ставшую традиционной фразу:

— Отдаем, но не отдастрем вернуть!

А получивший знамя, гордо усмехаясь, отвечал:

— Постараемся не отдавать!

Первая в 10-й класс, мы все, и в особенности комсомольцы, зареклись знамени не отдавать, каком номере «Нашего дня» стала появляться взволнованное напоминание о взятых обязательствах. Едине карикатуры и эпиграммы сидели на головах тех, кто мог подвести класс.

Наш «знаменитый» математик Юра С. организовал специальный математический кружок, а также выпустил «бюллетень» по математике, в котором поместили любознательные загадки, задачи и биографии великого математика Эйлера, чтобы, как он обяснял, «развязть вкус к математике у неинтересованных гуманистов».

А «гуманисты» в свою очередь с жаром привнесли устричные истории и историю, чтобы показать «космоманья» математики всем голубям соревнования мировой культуры.

Теперь, оглядываясь назад, мы ясно видим, как соревнование за лучшую успеваемость рождало у нас потребность в глубоком и всестороннем знании. Помимо программы, программы, программы, мы привнесли историю, литературу, инженерическую войну. Одна из нас достала в библиотеке мемуары Пушкина и, отсасыв урок, сделала какую-то ссылку на эту книгу. Но программе

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мы давно интересуемся строением атома и проблемой, что сейчас ученыe работают над энергией. В литературе, освещавшей такую важную область физики, очень мало. Может быть представить, мы жаждо читаем как можно больше статей, затрагивающих эту проблему. Недавно нам случайно попал в руки № 4-й журнала «Детская литература» за 1940 год. Там в тот же прошли статья академика П. Л. Капицы «О научной фантастике» и интересная статья! Но некоторые мысли, высказанные в ней, нас удивили и вызвали большие споры среди знакомых нам школьников.

Академик Капица считает, что атомия несомненно, играет решающую роль в будущем космогонических процессах, что в жизни человека — в микромире, конечно, она не играет и не будет играть энергетической роли.

«...есть все объективные данные для уверждения», — говорит академик Капица, — что в земных условиях ядерная энергия не будет играть никакой роли.

Далее, академик Капица пишет, что если бы случилась ядерная реакция в уране, то она не могла бы остановиться и произошла бы всемирная катастрофа.

Как же так? Ведь совсем недавно в газете «Известия» сообщалось о заседании Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР. Из этого сообщения мы узнали, что осваиваются поиски сырьевых баз урана, на для будущего использования внутритечной энергии. Знайте, что некоторые ученые все-таки считают, что практическое использование внутритечной энергии — это проблема самого ближайшего будущего! Задает, здесь существуют различные мнения?

Прошу дать в «Смене» поместить в журнале такую статью, которая обяснила бы нам это.

Вера Кузиченко,
ученица 10-го класса 407-й школы.
Родольф Мусатов,
ученик 10-го класса 502-й школы.

От редакции. В одном из ближайших номеров «Смены» будет помещена статья об атомной энергии.

Кира
Смирнова

«Пограничник». Скульптура ленинградского школьника Е. Карлова.

«Девушка». Скульптура ленинградского школьника А. Иванова.

этого, конечно, не требовалось, но весь класс захотел прочесть мемуары.

Как повстрече, проходило у нас по классу увлечение той или иной книгой. Еще в 8-м классе, по предложению Алексея Николаевича, мы создали свою «клубную библиотеку». Книги попадались на дармоедов. В 10-м классе у нас уже был другой классный руководитель. Но традиции, заведенные Алексеем Николаевичем, продолжали жить. Все еще работал исторический кружок Елизаветы в Новгороде, в Ленинграде, в подмосковных местах: Пушкинское, Новый Иерусалим. Часто ходили в Исторический музей и в Третьяковскую галерею.

В 10-м классе у нас был и другой тру不得已: Толя К. выбраны секретарем комсомольской организации школы, а на его место мы выдвинули комсомолку Тоню К. Но та-

кой же дружной и сплоченной оставалась наша школьная семья. Да теперь уже почти весь наш 10-й класс «В» стал комсомольским, точнее: из тридцати учеников двадцать были комсомольцами.

И вот настал тот торжественный момент, когда очередная «книжка» должна была в последний раз выпустить номер «Нашего дна».

Это был весенний, радостный номер: ведь мы были на пороге самостоятельной жизни! Лишь в статье, обращенной к школе, смыкались нотки грусти о разлуке.

Да и не могло быть иначе. Все мы любили свою школу, свой класс, который так сплотила и сдружила комсомольская группа.

Ирина ТАРАСОВА.

ШАЛУНИШКА

Рядом со мной на скамейке бульвара сидели две мамы, очевидно, только что познакомившиеся. Разговор шел о детях:

— Скажите, что этой Валентине вторая выпускница? — говорила первая мама. — Разрисовала себе физиономию акварельной краской и сидела в таком виде на уроке, пока не заметила учительницы.

— Вот ужас! — воскликнула вторая мама. — И же ему за это было?

— Конечно, попало и от учительницы и от других учителей.

Вот видите, миссии... А в школе, где учится Котик, из этого сделали бы целую историю. Совсем недавних мы так вздохнули!.. Вы понимаете, Котик до сих пор гасит школу...

— Чего достало?

— Шутят. Живут. Естественно, им при而来: ездили в куклы в актерум. А она прозрела, сеяла всех рабов. И что же вы думаете? Вместо того чтобы поговорить с мальчиком, помочь ему поплыть свою ошибку, в школе подняли целую буру: «Художествен! Порча школьного имущества! Вымыслили мальчика в директору, измучили до полусмерти, чуть не искалечили!»

Мама вздохнула и снова заговорила злобно, вздохнувши:

— Приходит он из школы, глаза такие печальные-печальные. «Мама, — говорит, — за что? Ну, разве я знала, что она из сестер? Я чуток не разрыдалась тогда.

— Да... Неприятно, — посочувствовала первая мама. А учится выши хорошо? Моя такая, мордашка...

— Нет, что вы. Котик отнюдь не ленив, и, знаете, он зародил способный мальчиш. Только память слабая.

— Забывает проиденное?

— Уроки готовить забывает. Увлекается чем-нибудь со сверстниками и забывает. Уже и сама просматривает дневник и напоминает.

— Трудно с именами, — сказала первая мама.

— Ни минуты покоя!

Мамы задумались за минуту, потом продолжали неторопливый разговор о своих горемыках и заботах.

Сидела Владимирину штани. Первый раз засиделась и сразу вспыхнула.

— Нельзя купаться Котику ботинки. Смотрят подземки на одном уже ипот. «Котик, — говорю, — где ты это?» «Да я в футбол тренировалась».

— Мой вчера на дворе девочку побил.

— У Котики зубы болят, а к врачу, белый, элиты болтается.

— Теракитов пятадца в комнату: издумала «инцидент» устроить...

— Жениться хочет... Ужасно я тревожусь...

— Как? Кто хочет? — Котик хочет. «Котик», — говорю, — ты лучше подожди, когда из армии вернешься. «Мама, — говорит, — не винишайся не в свое дело».

Первая мама внимательно смотрела на свою соседку.

— Простиште... а сколько вашему Котику лет?

— Восемнадцать. А вчера?

— Маму! Нет, моешь... засму только левить еще... — в смятении проговорила первая мама и замолчала.

Юрий СОТНИК

«На вокзале». Эскиз Николая Журавкова, ученика средней художественной школы при Академии художеств (Ленинград).

*Книж
смены*

ХАДЖИ МУРАТ

(ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК К ПОВЕСТИ)

Правит считать, что гений — это человек, обладающий какими-либо совершенно феноменальными природными дарованиями. Но великий немецкий поэт Шиллер говорит, что гений — это тот, кто способен передавать всем свою силу и свою мысль потоком. Следовательно, гений — это человек, достигший наименшей цели напрямленнейшими усилиями, упорнейшим трудом и доводящий свой талант до наивысшей степени. Таков и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Все его произведения — плод неустанных, огромного труда.

Здесь, какое-либо произведение, Толстой начинает писать предварительные наброски, как художник делает эскизы к картинам. Если набросок удается, он просит его переписать. Переписанное исправляется, немножко сокращается, дополняется, снова переписывается, снова перерабатывается и т. д. И это повторяется десять, пятнадцать раз. Из труда наименее важного, немногого сохраняется для окончательного текста. Но и этот окончательный текст Толстой продолжал совершенствовать до тех пор, пока произведение не отвечало высоким требованиям автора. Если же оно не удовлетворяло его, Толстой несмотря на затраченную колоссальную работу не отбрасывал произведение.

«Хаджи Мурат» было написано около 30 предварительных набросков. Работа над повестью длилась — с перерывами — в течение шести лет. В окончательно отредактированной повести двадцати пятидесяти рукописных страниц (формата обычной тетради). В черновых рукописях — с половины тысячи страниц. Процедура изображена в картине. Гений же Толстой остался им недоволен, и оно при жизни писателя не было напечатано.

Мы публикуем один из черновых набросков повести. Здесь рассказывается о случае, когда произошло в детстве Хаджи Мурата. В действительности такого случая было. Тогда ничего не знали об этом, кроме Хаджи Мурата и никогда со своим героям не встречались, хотя в год смерти Хаджи Мурата жил на Кавказе. Но в ту пору Толстой им не интересовалась и никаких следений о нем не собирали. Когда же через сорок четыре года после смерти Хаджи Мурата решила напечатать свою по-

весь, то стал искать нужные ему документы литературных архивов. И в архиве Толстого нашел более сотни книг. Однако в них главным образом говорилось о военной деятельности Хаджи Мурата и ничего — о его детстве и юности. Толстому же, по его первоначальному замыслу, хотелось представить в повести всю жизнь Хаджи Мурата, от самого детства, чтобы показать, как сложился его внутренний облик.

В книге Л. А. Зиссерман «Двадцать пять лет на Кавказе» Толстой, между прочим, приводит следующее:

«Был утвержден приговор военного суда о шестнадцати карагах». Четверо были приговорены к повешению, а двенадцати к наказанию смертной казни. Четверо были приговорены к повешению, а двенадцати к наказанию смертной казни. Четверо были приговорены к повешению, а двенадцати к наказанию смертной казни. Согласно приговору на казнь были осуждены: из всего округа старшины, мулы, почтенные жители и т. д.; народ собиралось не менее полутора тысяч человек... Было выстроено каре из четырех батальонов с воеведом орудиями, внутри которого поставлена четыре виселицы... и в два развернутых длинных ряда батальон тифлисских гвардей с достаточным запасом палок. Привели из крепости под сильным коневым шествием сажающих обрекенных, вслед за ними выехали верхом генерал со стражей и конвоя сотни донских казаков; раздалась команда «Смирно!...». Генерал обратился к членам приговора к народу с грозной речью, что-де щутить им с ними не будет, что за малейшее происшествие будет жечь, бештать, что старшины и мулы за все отве-

1 Карага — одна из народностей, населяющих Кавказ.

2 Шипи и цуруты — от двух немецких слов: Spitze —尖端 (шипи) и Zelle — ячейка (цурута).

3 Длинные заостренные гибкие прутья.

чат, и пр. Слушатели потупили головы; бледные лица выражали не то скрепоточенное внимание и страх, не то скрепоточенное... Генерал слез с лошади; ему поставили на воззвание походное складное кресло, подали трубку с длинным ятарным чубуком, его окружили несколько офицеров из штаба, и началась кровавая расправа... Леско себе представить, что произошло. Не жалко слушать воображение читателей... семь или восемь человек в течение двух—трех суток умерли в госпитале».

Это описание произвело на Толстого потрясающее впечатление. Его охватило чувство непод可控性. Хотя экзекуция, описанная Зиссерманом, произошла на 10 лет спустя после смерти Хаджи Мурата, Толстой решил напечатать в историю детства своего героя, чтобы показать, как в мальчище Хаджи Мурате зародилась та неизримая немощь, которая сохранилась в нем на всю жизнь. И Толстой, используя тот эпизод, который привел Зиссермана, сделала небольшой набросок. Четыре раза пишет предельный этот набросок, однако не по повести его не включил, опасаясь, что он забьет слишком много места в ущерб основному содержанию.

В первой своей редакции набросок был напечатан лишь через двадцать девять лет после смерти Толстого. Здесь публикуется третья редакция, значительно отличающаяся от первых.

Сравнивая этот текст с тем, что Толстой писал Зиссерману, мы видим, что Толстой сухое, безжизненное описание Зиссермана преображает в яркий, живой, сильный рассказ.

Отказавшись от мысли ввести набросок в повесть, Толстой, однако, не мог обойтись от сильного впечатления, которое оставил рассказ Зиссермана. И под влиянием чтения материалов, связанных с работой над «Хаджи Муратом», написал тогда же и на ту же тему рассказ «После бала».

А. СЕРГЕНКО

— Пусть моя кровь прольется за народ. Алла хак бар! — пропел он.

Волед за ним отдался для выдачи русским его племянник, молодой Ибрагим. Волед за Ибрагимом еще Мустафа, и все закричали:

— Берите наши головы!

И жалавших пожертвовать собою на бровах так много, что старики решили кинуть жребий.

Попал в мечеть и помолился и кинул жребий на десятерых, и выдали их русским. Десятерых этих солдат судили и приговорили к прогонию сквозь строй через 6000 человек.

1 Алла хак бар — священное воинствование мусульман.

Один раз, когда Хаджи Мурат шел двенадцатый год, он один, без матери, на старом селе приехал к деду помочь ему в уборке кукурузы. Дед не был дома. Одни работники деда сказали, что за стариком присматривали от русских в крепости, что туда пошел весь народ и дед, ожидавший за этот день Хаджи Мурата, звал приходить и ему.

Хаджи Мурат закусил, звал за пазуху недосказанную лепешку, и побежал через дверь в крепость. До крепости было десять verst, но порога шага больше под гору, и Хаджи Мурат добежал туда с засохшими сильными ногами меньше, чем в два часа, и раньше полдня подошел к воротам крепости. Перед воротами, на плоскадке, стояла большая толпа горцев. Их всех собрали сюда, чтобы они видели то,

что сделают с теми из них, которых позволят наспех напасть на русских солдат. Об этом нападении и о наказании за это говорили во всех аулах...

Казнь, которую вынес Хаджи Мурат, была совершенна за то, что люди одного аула убили поставленных к ним солдат, грабивших их.

Аула пришли войска и потребовали выдачи галечных виновников, угрожая в противном случае сжечь все окружные аузы и избить всех жителей от малого до великого. На площади у мечети два раза собирались старики, но не могли притянуть ни к какому решению. Разрешал вопрос старик Джифар Али. Он сказал, что лучше пострадать всем, и предложила себя для выдачи русским.

В назначенный для казни день в Цельбес, так же, как и во все окружные аулы, приехал поэтник, вызванный народом для присутствования на казни.

Народ толпами, зерками и пещком, двинулся к назначенному месту. Хаджи Мурат с пешими народом пошел туда же.

Тут он в первый раз увидел русских. Это были бритые люди в белых куртках с ремнями через плечо, в сапогах и с длинными ружьями, с насаженными на них штыками. Их было столько, что казнь было сочтеным. Они стояли рядами, образуя из себя четырехугольник, через который шла дорога и на середине которого сидел на барабане человек в черных узких штанах, в белом кителе с золотыми наплечниками и в фуражке с красивым окошком на толстой голове с красивыми щеками. Это был глянцевый начальник русских. Около него стояло несколько человек таких же, как он, начальников и два солдата. Одни из солдат подняли ему на длинном чубуке трубку. Начальник взял трубку, слушал звук, и в то же время с нестремыми плащами барабанил, стоявший на краю одного из рядов, забил плащик на барабан, и страшный треск заглушил все другие звуки. Одна из сторон четырехугольника, состоявшего из солдат, расступилась, и в пустое место влезли десять человек, закованых горцем в одних башмаках, без кинжалов. Были молодые, средние и пожилые, и одни были совсем старые с потухшими глазами и с седой редкой бородой.

В народе вокруг Хаджи Мурата застонали. Посыпалась монеты: «Ал-иляхиль-халъах». Но стоны эти были слышны только тем, которые стояли совсем рядом. Треши барабанов, который, казалось, Хаджи Мурат, происходил от трубы, заглушил все.

Народ застонал, увидев ведомых на казнь, потому что все знали, что это были добровольные мученики, джигиты.

Десять человек скованых вылезли на середину пустого места. Начальник махнул рукой, барабаны остановились, и все так затахнули, что можно было слышать, как кричали молодые орам на горе. Начальник сказал что-то, и один из его слуг вышел вперед и, остановившись перед заковаными, поднял к глазам бумагу, которую держал в руке, и начал читать. Он читал что-то неизвестное по-русски, потому что же неизвестно, по-татарски. Толстый начальник что-то сквозил, и солдаты составили ружья в козы и, выйдя из рядов, стали подходить к подсаженной арбе, на которой были плащи, и разобрав их. Разобрав плащи, они стали удаляться от начальника и до того ряда солдат, который задерживал зрителей. В это время два солдата подошли к первому из закованых горцов и стали снимать с него цепи.

Когда они сняли башмак, горец, отстригнувшись от них, сам разорвал на себе рубаху и снял ее с себя, также отстригнувшись с себя и штаны и оставил голый. Загорделись по локоть руки его дрожали, и также дрожала скуча и все красивое, белое, молодое тело, когда его при-

вязали руками к прикладу ружья. Обнаженного горца свели в улицу, составленную из солдат с плащиками.

Первый солдат улицы взмахнул плащиком и ударил горца по белой спине. Горец вздрогнул и оплавился, и не успел он оплавиться в одну сторону, как на белую спину упал удар с другой стороны, и на белой спине ясно выступили красные перекрещивающиеся полосы.

Барабаны между тем гремели, наполняя воздух своим треском.

Начальник, выпуская через часы дым трубкой, не спуская глаз, смотрел на ведомого из рядов горца. Удары одни за других ложились на спину горца, и спина, бывшая прежде белой, сделалась вся красная и мокрой от крови. Только руки выше локтей были белы, и шея до того места, где она загорела.

Сначала горец молчал, но когда его повторяла нынче, он стал стонать, и стон его, хотя и не громкий, не переставая, выделялся из-за грохота барабана.

Стоявший подле Хаджи Мурата старик, не переставая, шептал безумью ртом молитву. Хаджи Мурат же, вытина вперед голову и дрожа всем телом, переступая, не переставая, с ноги на ногу.

Горца бил до тех пор, пока колени у него подогнулись, так что он упал бы, если бы солдаты не тащили его. Соскользнув с красной спины сошлась кровь на обе стороны и окрасилась плащик, ударившим по ней, но солдаты продолжали тащить его и бить. Наконец, он упал ничком. Начальник сказал что-то. Барабаны замолкли, и солдаты положили избитого горца на носки и вынесли за ряды.

Страшный взгляд поднялся в толпе, как только затихли барабаны, и две женщины, как потом узнал Хаджи Мурат, жена и мать избитого, окруженные толпой, кинулись к избитому.

Вслед за этим солдаты подошли к красавице с маленькой бородой, легизину в черном башмаке, и стали раздевать его. Солдат-ханец снял с него ножные кинжалы и хотела отнести их, как леггин вырвал их у него из рук, размахнула ими над головой солдата и размозжила ему голову.

Начальник вскочил и крикнул что-то. Солдаты схватили ружья и, взяли их на плечо, подошли к леггину. Он как будто только и ждал этого. Схватив ружье за дуло, он бросился на щиты и воткнул его собе в грудь ниже левого ребра и протяжно-тонким голосом запел: «Ал-иляхиль-халъах». Но он не пропел этих слов и двух раз, как солдат выдернул ружье из его тела, поток черной крови хлынул из раны, леггин разрез ружьем, постоял так с минуту и упал навзничь. Его вынесли за ряды.

Он затрясли барабаны, и так же, как первого, ряжего, раздал старика, привязали к ружьям и повесили по рядам. Старик шел молча и, закрыв глаза, только вздрагивал при каждом ударе. Когда эта спина стала сплошной раной, старик упал, и этого отнесли за ряды.

Хаджи Мурат дальше не мог видеть и убежал домой...

В стране гор

В небольшом городе Дербенте — городе, который по своим историческим давнинам сам является своеобразным музеем, — небольшой уголок отведен известному писателю, одному из самых первых исследователей Кавказа — Александру Марлинскому (Бестужеву).

Пронесите в Дербенте это имя, и вас подведут к дому, где жил Марлинский. Вам расскажут о нем легенды, в которых досужий вымысел переплетается с былью. Вы услышите, что это был скромный, храбрый и добрый офицер, которого любили горцы, что он был главнокомандующим у Шамиля, что это, может быть, и сам Шамиль...

Не удивительно, что горцы создали вокруг имени Марлинского легенды. Жители гор нравились романтическим образом этого человека, который оставил яркий след в истории Дагестана.

Марлинский родился в 1798 году. Он жил в Петербурге, был блестящим гвардейским офицером и популярным романистом. Вместе с сыном титулярным брандмейстером Марлинским возвели в звание гвардии капитаном. За этим последовал арест, судебное следствие, заключение в крепость, разжалование в солдаты, ссылка в Сибирь, а потом в Дербент. Имя Бестужева было надолго покорено в секретных канцеляриях и присказах по кавказской армии. Он начал писать под псевдонимом.

Царское правительство делало все для того, чтобы изгнать этого государевшего преступника. Для Марлинского придумывались самые оскорбительные наказания. Моральные страдания оставили тяжелый след на всем творчестве писателя. Марлинский погиб в 1837 году, в сражении у мыса Адерл. Говорили, что это было замаскированное самоубийство.

Несмотря на то что пребывание в Дербенте было скромной страницей биографии Бестужева-Марлинского, он сумел развернуть здесь свои творческие силы. И не как замечательный художник, его произведениями были «Ал-иляхиль-халъах» — пресловутая «Фата-Мухра» — скромная официера, бывшего в плану у горцев? читатель находит богатейший материал по этнографии, истории, географии Кавказа. Марлинский же сумел так красочно показать горской аул и ту группу расправ, которую чинил над горцами париж, как это сделала впоследствии Лермонтов в повести «Хаджи Мурат». И Марлинский много писал еще, о исследованном жизни кавказских народов и богатстве этого края.

«Мы, казахи, что у нас нет предводителей, он нужен Башкыру, — со вздохом сказали им. — Да кто же в том冤枉, если не мы сами? Тридцать лет владеем народом, и не можем его защитить!» — сказали им. — «Помогите нам угодье стальной цепью погнать и до них по офицерам наше вместо золотых эки, из которых мы делаем наши плащи!» — добавили с казаками одни казаки, направленные для поиски с черной. Самые фантастичные выражения были у казаков, когда они говорили о горцах. В России я встретился с оделом заслуженным штаб-офицером, который не молчал, говорил, что горцы, где он лишился земли, умел только отвечать, что там очень деревеняло.

Марлинского глубоко волновало отношение царских сатрапов к свободолюбивым горским народам. Он всегда:

«Горцы учатся в пребывательности, но, чтобы шагнуть, сознайте, за что им быть благодарными? Или в самом деле наши караччи и штаны — такие благодатные, что так и не спасают за них поклонение?»

Новый мост по дороге из Буйнакска в Левашин.

В 1831 году Марлинский писал Н. А. Полевому:

«Что сказать вам о состоянии земного края? Паскевич, отдал Кавказ до высшей степени разстройства».

Одни из самых образованных людей своего времени, Марлинский пытливо присматривался к кавказской действительности, изучал языки народов Дагестана, ощущая поиск путей экономического развития этого богатого, но тогда порабощенного края. Он мечтал увлекательно рассказать о гидравлической энергии горных рек, о природных горючих газах Дагестана, о богатствах растительного мира Кавказа.

«Проделите сюда,— писал он,— кутумную долину феодаты грозы, и вы несомненно по них короткими парах и построите гостиницы там, где блестят теперь виноградные разбивки, так будите уверены, что англосаксонские макоры и искобы не имеют для вас ничего общего, кроме того, что они подаются к теперя же всему колесу на верту».

Пророчески звучат слова Марлинского, который глубоко верил в будущее кавказских народов и горел желанием увидеть другой Кавказ, освобожденный от экономического и национального гнета:

«Много, но недолго лягут на Кавказе дожди кровавому, грязи расплетут тинью, железо бинное будет норкзять только груди и щеки и цепные мосты поклонят под приветство».

Богатый урожай винограда собрал колхоз-миллионер имени Серго Орджоникидзе (Дербентский район).

У школьного окна (аул Кубач).

В этом году исполняется 20-летие Дагестанской АССР, автомания которой была объявлена товарами Сталиным 13 ноября 1920 года в присутствии многочисленных делегатов и представителей народов Дагестана.

Делено nowди остались Дагестан времен Бестужева-Марлинского, 35 районов Дагестана связанны сейчас прекрасными шоссейными дорогами, бетонированными мостами, по которым мчатся автомобили и автобусы.

Там, где когда-то из-под земли таинственно пробивалася наружу огонь — тот природный газ, о котором писал Бестужев-Марлинский, — построен большой стекольный завод. Развинута консервная и текстильная промышленность, всемирную известность получило тонкое кружево, производимое из хлопка и шелка по методу Ведула. Видится разведение нефтеносных районов, широко используется гидроэнергетика, орошается безводные пространства.

Когда-то ищий край, в котором погибли города, расцвел под живительными лучами Сталинской Конституции.

Завод «Дагестанские огни».

ДОЛГ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

2 ОКТЯБРЯ этого года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О Государственных Трудовых Резервах СССР». В городах создаются ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. Городская и колхозная молодежь будет обучаться в этих училищах и школах определенным производственным профессиям. Ремесленные училища рассчитаны на двухгодичный срок обучения. Они будут готовить квалифицированных рабочих для промышленности, морского и речного транспорта, а также для предпринимательской деятельности. Железнодорожные училища — также двухгодичные — будут готовить помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов и вагонов и других квалифицированных работников железнодорожного транспорта. Для подготовки рабочих массовых профессий различных отраслей промышленности, а также стоматологического дела создаются школы фабрично-заводского обучения. Срок обучения в этих школах — шесть месяцев. Все учащиеся вновь организуемых училищ и школ обособляются от пати за обучение государством, обеспечивают их учебниками, учебными пособиями, питанием и одеждой. После окончания этих училищ и школ молодые рабочие обязаны не менее четырех лет подделять пропортировать на государственных предприятиях. Они будут пользоваться отсрочками по призыва в Красную Армию и Военно-Морской Флот на время до истечения четырехгодичного срока обязательного для работы на государственных предприятиях.

В ремесленные и железнодорожные училища будут приниматься подростки в возрасте 14—15 лет, в школы фабрично-заводского обучения — 16—17-летние юноши. В эти училища и школы ежегодно будет поступать посыпки (мобилизации) от 800 тысяч до 1 миллиона человек из городской и колхозной молодежи.

Таким образом, сотни тысяч юношей города и деревни с помощью государства сумеют стать высококвалифицированными рабочими: металлистами, металургами, химиками, горнушами, нефтяными и т. д.

От старых рабочих, которых приходилось в дореволюционное время добываться какой-нибудь квалификации, можно многое усвоить о том, каких трудов, а подчас и учинений им это стоило. «Я хорошо помню, — рассказывает тот. Анискин, начальник цеха одного из московских заводов, — как бедотвоями дели рабочих и крестьян, пока они добивались квалификации в дореволюционное время. Гонимые голодом и нуждой, они попадали в полумрак кабалу к хозяинам. Мне было 12 лет, когда отец отдал меня в мастерскую сбогорения металлических изделий в Москве. С первого же дня меня заставили работать по 13—15 часов в сутки только за харчи».

А ведь дореволюционная Россия не представляла в этом отношении какого-нибудь исключения из капиталистического мира.

Возьмите любую современную капиталистическую страну. Там молодому рабочему чрезвычайно трудно получить квалификацию. Да и есть ли смысл ее получать? Ведь сотни тысяч квалифицированных рабочих повернуты в отчаяние бесполезными поисками какой бы то ни было работы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР еще раз свидетельствует, как благогороден для народа заслугование социализма. Но советский юноша должен отдать себе отчет в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Государственных Трудовых Резервах» выражает не только заботу о материальном благосостоянии молодежи, но имеет очень важное принципиальное значение.

Она из отличительных особенностей социализма состоит в том, что он поднимает хозяйственную жизнь сознательного общественного контроля и воздействия. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Государственных Трудовых Резервах» означает, что плавнико-вая деятельность социалистического государства получает распространение также на область подготовки и распределения рабочей силы. Это — огромное достижение. Оно было не мыслимо на первых шагах строительства социализма. Почему это было тогда невозможно?

Вспомним, какое положение было в деревне, пока не ослепла еще победы колхозного строя. Товарищ Сталин так охарактеризовал это положение:

«Богаты и шли в гору кулаки. Низящими и разорялись бедняки, попадая в кабалу к кулакам. Карабкались вверх к кулемкам серодвики и каждый раз ссыпалася каша, испытывая рязи бедняков на потеху кулемков... На каждые 100 аваров в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких аваров, 8 или 10 дворов зажиточных дворов — 16—20 середицких дворов — 35 бедняцких. Стабло было, самое меньшее — 35% всех крестьянских дворов состояло бедняками, вынужденные истигать кулацкой кабалы». Понятно, что в поисках работы бедняки стремились уходить из деревни в город.

Но промышленность в то время не была настолько развита, чтобы поглотить всех желающих поесть, на производство. У нас тогда еще существовали биржи труда. А пока еще не была ликвидирована безработица, неизбыточно было и думать о плавном подготовке и распределении рабочей силы. «...рабочие сами шли на заводы, на фабрики, — было, стало быть, ножки самотек в этом деле» (Сталин).

Но дело вскоре изменилось, когда в деревне утвердился колхозный строй, когда в городе в результате гигантского

роста промышленности была полностью ликвидирована безработица.

Победа колхозного строя уничтожила инитету в деревне, вывела всех колхозников на путь зажиточной жизни, и тогда «крестьянины стали оседать в деревне, и у нас не стали больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотеки рабочей силы» (Сталин).

Шли годы. Родина страны, неуклонно подымавшаяся в гору социалистическая промышленность. Все больше и больше требовалось на заводах, фабриках, шахтах рабочие руки. Особенно велик этот спрос сейчас, когда в стране осуществляется третья сталинская пятилетка. К 1942 году продукции всей промышленности должна составить 192% к 1937 году, а численность рабочих и служащих должна соответственно увеличиться на 21%. Но для того, чтобы успешно развивалася наша промышленность и транспорт, государство должно неизменно и полностью располагаться трудовыми резервами, направляя их в наиболее важные отрасли народного хозяйства. Вот почему вопрос о плавной подготовке и распределении рабочей силы приобретает иные решительные значения.

Как в всем остальном, так и в этой области социализм представляет прямую противоположность капитализму.

При капитализме всегда существовала и существует избыток рабочей силы. Классы рабочих в капиталистических странах постоянно пополняются за счет разъезжающегося крестьянства и городской мелкой буржуазии. При капитализме в двери фабрик и заводов стучится целая армия безработных людей, готовых под страхом голода, на любых условиях стать под командой капиталиста. В Англии, например, число официально зарегистрированных безработных составляло в январе 1939 года 2039 тысяч человек. К январю 1940 года несколько понизилось, но и тогда в стране насчитывалось 1518 тысяч безработных. Даже в такой небольшой стране, как Дания, каждый третий рабочий — безработный.

Иное положение в СССР: у нас вкорне уничтожена безработица и нет таких постоянных источников рабочей силы, как разоряющиеся деревни и разоряющиеся малые буржуазии города.

У нас с каждым годом множится число людей, занятых в промышленности, и все же этот приток недостаточен, чтобы обеспечить плавесмерный рост рабочей силы. Только плавное сознание государственных трудовых резервов можно будущество властствовать растущие нужды промышленности, обеспечить ее плавное, бесперебойное движение вперед.

Так, в результате достижений в строительстве социализма, на основе Сталинской Конституции, которая гарантирует каждому гражданину СССР право на

труд, советское государство смогло взять в свои руки дело планомерной подготовки и планомерного распределения и использования рабочих сил страны.

Какие же существуют источники для того, чтобы непрерывно создавать необходимые для социалистической промышленности государственные трудовые резerves?

Колхозная и городская молодежь — вот тот живительный источник, черпай из которого государство может обеспечить предприятия страны квалифицированной рабочей силой.

В быт нашей колхозной деревни прочно вошла машина. Труд колхозника становится все более производительным, так как механизация все шире обнимает круг сельскохозяйственных работ.

В своей книге «Что дала Советская власть труженикам» товарищ Калинин приводит замечательные примеры повышения производительности труда в колхозах:

«Советская власть выразила знатного комбайнера Константина Борина, который убрал своим комбайном 2 тыс. га колосовых культур. Это означает, что через бинокль комбайнера Борина прошло склоное мало 180 тыс. пудов хлеба. Если предположить, что ежедневно агрегат Борина убирает 75 га, то окажется, что одинаки своим агрегатом Борин заменил ежедневно 950 человек, 150 лошадей, 37 веляков, 20 конных молотилок. Это при условии, если бы уборка 75 га велась вручную, а молотилья — конными молотилками.

Советская власть выразила Петрова (Каючевская МТС), который в день убирает по 23 га льна. Чтобы вытерпеть это количество льна руками, нужен был тяжелый труд 230 человек».

В социалистическом земледелии уже создана экономика трудовых ресурсов. Наши колхозы имеют возможность без малейшего для себя ущерба систематически выделять часть колхозной молодежи для обслуживания нужд промышленности, в развитии которой колхозное земледелие краинко-зингеровски. Ибо промышленности принадлежит будущая галь в развитии народного хозяйства; от успехов промышленности прямым образом зависят успехи колхозного труда.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Государственных Трудовых Резервах СССР», как и все мероприятия советской власти, представляет сочетание общественного интереса и личного интереса.

Указ Президиума Верховного Совета СССР является ответом на возросшие потребности народного хозяйства СССР: он продиктован заботой об укреплении экономической и военной мощи Страны советов; Указ Президиума Верховного Совета СССР идет навстречу и личным интересам сотен тысяч колхозной, городской молодежи, предоставляемой ей широкую возможность приобрести высокую трудовую квалификацию.

Доля советской молодежи — городской и колхозной — откликнулась на призыв партии и правительства, пойти в училища и школы, призванные стать кузницами квалифицированной рабочей силы для социалистических промышленных предприятий к социалистическому транспорту.

ДОЖДЬ

Ни капельки который день,
Под солнечным костер
Сяды, склонившись на плетенье,
Роняли свой убор.

Проходы нет, и стал седым,
Не зная тени, лес,
Торфяной порожмак дым
Змело в горло лез.

С болот повсюду пали тал
И мириады мух.
Гудела черная земля,
Не обходя свою круг.

Лишь к кони тучи мимо нас
Проплыли, широки,
Дожнуши, сырость, тотчас
И с нее с реки.

И вот, как буря, молотой,
Буздарский, как дрохи,
Ударил колкий и густой,
По желтолистью дождь.

Пробив теченье духоты,
Пошли растяны на рост,
Ловили небо птицы рты
Из самых низких гнезда.

Громы тяжелые куют
Тьму, на куски кроня.
А из взмолнившей стоян,
От счастья не дыша.

Манил и кличет вышна,
И я в полёт влезком.
Окремли мускулы,
Испечена дождем.

Я всхрип, тянусь,
Все засып и злей
Крича под птичий грай:
К лице секи,
Секи смелей,
Пыль до конца сметай!

МЕТЕЛИЦА

Го разбежится,
По пухом застелется,
Свистят и кружит,
И воет метелица.

Прилет к ограде
Под виними низкими,
В стекла удари
Сыпучими брызгами.
Плаещ, петля,
Мелькая сорочкой...
Нет! Не уснуть тебе
Этакой почкою.
Полем, лесами,
Лугами и логами

Сердце призываюое
Ходят дорогами.
Эхо над бором,
Как волк, измученный.
Едет любящий
С границы овьюженной
Близже и близже
Деревня, околица...
Думы о милой
Снежинками множатся.

Скоро уж спор
Хорошо встретятся —
Сыпнет, и вьется,
И крути метелица.

ПОЛЕСЬЕ

Озеро глубокое, как память,
Над водой клубится синий дым,
Да души широкими листами
Плещет, как ладонями, над ним.

Здесь в осоке тишина такая,
Как в лугу поземного потура.
Изредка утеноокакает
Караваны страников в беру.

Книговики властят в поле-бесье,
Дятлы выбивают: дук-дук-дук...
Это ты, богатое Полесье,
Разметалось птицами вокруг.

Но линь солнце выпытывает из бора,—
Всемолчущими забытая гать,
Быстро и шумные моторы
Застрекают так, что не упьют.

Гуд тебе обнимет кругом тесным,
Будто и не мучила тоска.
Ходицы в сироты, пение, песни,
Небо голубое, синее.

Улица багстро пронята в осоку,
Ударяет зап-чепосад.
И, забывшись в сальных невесмокий,
Потерял волчонок отчий след.

Он испуганный, дрожит от горя,
Крик синий не гудит вдал.
Приятливы басуки, чтоб вскоре
Вместе с ночью выйти из земли.

Барсукам голодный спать мешает
Шум, что топи высушла подряд.
Чародей последний в этом крае,
С бородой зеленою до пят,

Загрустил, мешочек пыльный вынул,
Поглядел с тоской на образок
И, раскинув кости под осиной,
Долго шепчет, — но не слышит бог.

Древни чарам зацепиться нечем,
Не приходит черная гроза,
А напротив: линь наступит вечер,
Электричество сделает глаза.

...И безудержно клокочет росты:
То простились мы с зеленою тьмой,
То по полям узидам, влагады
С песней направляются домой.

В яркий свет, что с каждым новым годом
Поленщик выходит из болот.
Что пыльют из Туров пароходы,
Что приносит письма самолет.

Что ни тьма, ни лес уже нестрашен
(Вот она, земля, пред нами вся!),
Что кругом поет огнина наци,
Всем народам счастье принес.

В час же, когда месяцы в поднебесе
Выйдет к звездам будто старший брат,
Сият мое богатое Полесье,
Только пограничники не спят.

Дивизия

**в
боях**

Юр. КОРОЛЬКОВ

Фотографии автора

В штабе дивизии висит общирная — во всю стену — карта боевых действий 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Скуп, но выразительны языки этих условных линий и кружков, из которых состоят обозначения полков — где, называемые «естественными препятствиями», на которых так щедра в этих местах угрюмая северная природа. А вот болотнические траншеи, проволочные заграждения, надолбы, минные поля, засады, преграды и все, что может сковать движение противника. И чрезвычайно этот трудный путь, лабиринт кружков и линий, через все предграды, которые выставили цирюда и злобно отщипнешься враг, с юга и севера, от советской границы до Выборга, упорно ползут красные стрелки — темно-тёмные, неудержимые, блескавшие полковой, батальонной, рот прославленной дивизии.

В жестоких скватах с врагом бойцы драматически преодолели многое препятствий. И все они добровольно показаны на карте. Но не все трудности героического похода поддавались схематическому изображению. Неизречены вель на карте глубоких снегов! Не покажешь лютых, сорокарадужных морозов! Не передашь, конечно, и тех чувств, которые владели людьми, когда они вошли в ледяной воде щи в атаку...

которую белофинны и их хозяева возлагали такие большие надежды. Бельгийский генерал Баду, в свое время инспектировавший финские укрепления на Карельском перешейке, писал:

«Нигде в мире природные условия не были бы благоприятнее для построек укрепленных сооружений», — писал Карл фон Гумбольдт, когда двумя годами спустя — «Лейпцигским озером и Франкфуртским заливом» — императорские леса и громадные скалы, из которых гравия и гранита, а где нужно, и из бетона, достроены знаменитые «занги Майнцергеймской крепости».

Большую роль в строительстве сыграли и немецкие архитекторы, в том числе и представители. Даже 25-тонные танки не могли их преодолеть. В граните фирмы при помощи взрывов оборудовали пустем прокладки циркульные гнезда, куда настремлялись сорванные каменные бомбы. Там, где не хватало гранитных блоков, их заменили пожалей бетона».

Наиболее мощным и непрестижным участком финны считали Хотиненский узел сопротивления. «Ни одна, даже самая передовая армия в мире не сможет взять Хотинена», — хвастливо писали белофинские газеты.

Но белофинны упомянули не только на неприступность «линии Маннергейма», но и на свою западноевропейских хозяев. И действительно, стремясь разжечь пламя войны на границах Советского Союза, англо-французские империалисты оказывали активную помощь Финляндии.

Таким образом, войскам Ленинградского военного округа пришлось фактически драться не только с финской белогвардейцами, но и с некоторыми империалистическими странами.

ДОТ на высоте 65,5, взорванный саперами 123-й одесской дивизии во время прорыва «линии Маннергейма»

укрывавшимися за спиной Финляндии. И все же после двухнедельных боев советские войска прошли на Каельском перешейке около ста километров и подошли вплотную к полосе укреплений. 123-я дивизия вышла к Хотиненскому укрепленному району. Началась упорная кропотливая подготовка к решающему штурму.

В те дни сюжет пьесы сообщали о боевых действиях лишь одной лаконичной фразой: «Продолжаются поиски разведчиков». Каждую ночь группы смельчаков удалялись в темноту, пробираясь к вражеским берегам и метр и метром разделяя укрепления, носили их на карту, делали проходы в гранитных надолбах, разрывали провода. Порой из групп бойцов в пятнадцать—шестнадцать человек возвращались три—четыре разведчика: из товарищей настигала волна крага. А на следующую ночь группы бойцов снова шли в разведку...

В начале января был получен приказ во что бы то ни стало достать «язык»—полного финна. Выполните это задание авансом всем добровольцем! Никитин, Морозов, Бондарев и другие. Но пока винтовки не получат, а также отсутствует необходимое припасение, разведчики незамедлительно подобравшись к окопам прорвались сквозь проволочное заграждение, залегли в щербах. Лежали долго, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Вот над баштурмом опять послышалась стрельба. Финны начали отходить. Финн увидел разведчика, метнул в них гранату. Гранат упала рядом с Морозовым. Он отскочил в сторону и бросился на землю. Всю прокинул там быстро, что финн не успел даже крикнуть. Пленники оказались в окопе. Сразу же начали стрелять из пулемета. Участники военного поиска были в следующий день представлеи к правительственный награде.

Постановка на боевой карте начальни-
ком представлена в правительственной издаче.

Постепенно на боевых картах начали ка штаба дивизии появляться все новые обозначения. Это были укрепления, обнаруженные разведчиками. Оказалось, что взад всей оборонительной полосы тянулись городища надолбь в двенадцать рядов. Точко-заначки яблони тор-

Ночь выдалась темная. Сырой холод проникал сквозь полушибок, под затинки, вызывал неприятный озоб.

Не было видно ни звезд, ни дороги, и только лес мутными пятнами вставал во тьме.

— Тогда сложившись лыжные, выбрались из окопов those сапёров — Леканов, Голубев и Алешина. Несколько бойцов помогало нести ящины с толом. Попадали долго, поминутно прислушиваясь к шорохам ночи. Где-то справа был пулемёт, вспыхивали зарницы артиллерийских выстрелов.

вые роботы.
До финских траншей оставалось метров полтораста, столько же, если не больше,—до своих. У разбитого снаряда танка бойцы сложили ящики с толом, поползли обратно. Трои смельчаков остались один.

Падолом глянулся через пыльцу. Тогда

и Ленинградской стрелковой дивизии

И-ский орденоносный полк вступает в Выборгскую крепость.

такли к нему том. Пока расставляли заряды, соединили их один с другим, начало светать. Саперы заместили финские пушечники и открыли стрельбу. Саперы приились. Обстрел прекратился.

Леканов еще раз проверил заряды. Оставалось только прикрепить боксеров шнур. Он сунул руку за пазуху и, сердце его замирло: шнур не было.

«Погоряч? Нет, не может быть!»

И сразу вспомнилось, что шнур остался там, у танка, где лежали ящики, метрах в пятидесяти от надоб. Но для того, чтобы избавиться от шнурка, надо было проколоть его, и возвратиться обратно, понадобилось двинуться изнутри.

Следо пошли совсем светло. Ответчино были видны финские триколоры, амбразуры, холм, борющий молодцем эльником. Откуда-то из глубины холма временных тропинок пулевые. Звук был глухой, точно стреляли из землемера.

— Теперь полите наезд. Вернуть буду сам, — сказал Леканов, обращаясь к товарищам.

Голубев и Алешин поползли к своим, Алексей склонил шапку и вышел оттуда.

— В случае чего, сообщите командиру Грабовому, что левее танка, на холме, обнаружено ДОТ. Слышишь, что левее танка?

Несколько временных ящиков лежали неравнично, потом валился на часы. Порта Товарищ, конечно, успели уже отползти дальше. Вытаски из кармана спички, приготовился зажигать. Но, видимо, слишком резки были его движения — из амбразуры снова заметили сапера, снаря застучали пушки, высечки искры на камнях, вздыма рядом снежную метал. Как же зажигать шнур? Ведь через сорок — пятьдесят секунд после

этого раздастся взрыв, абежать нельзя. Ползти?

Далеко ли отползти за сорок секунд!

Но Леканов знал, что он обязан зажечь штурмаков приказ. А приказ должен быть выполнен. И в то время, когда Леканов вынимал из коробки спичку, у него внезапно мелькнула догадка: стреляет одна пушечница. Он дает очередь по тому же направлению, что и пушечница и стреляет А что, если... Нет, это боязнь. И все же Леканов стал приодушиваться, рассчитывать. Вот систят пули... пауза... снова огонь. Молниеносно было принято решение. В то мгновение, когда финский стрелок перезарядил пушечник и открыл огонь, Леканов зажег шнур. Огонек, как будто из горящего пистолета, засиял, и сапер лег на камень, присоединился к вражескому пушечнику и глядел на шнур, послоциаемый пламенем. Секунды казались вечностью. Но вот обстрел прекратился. Леканов стремительно бросился бежать, покидая несколько секунд и упал в снег. Над головой вспыхнула засыпка снега. Потом опять несколько секунд тишины, и Леканов делает бросок вперед на десять метров.

Когда раздался взрыв, сапер находился уже метрах в пятидесяти от надоб. Густой, белый, как облако, дым скрыл его от финнов. Леканов невредимо добрался к своим.

Так работали разведчики, саперы, стрелки в те дни, когда сводки сообщали: «На фронте ничего существенного не произошло».

Герой Советского Союза майор И. П. Рогачев с группой командиров на постах в Выборге

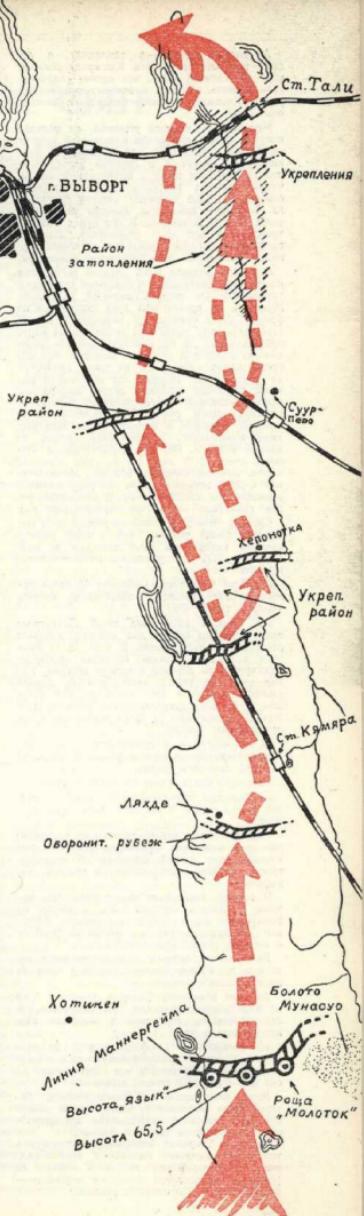

Схема боевого пути 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

Титульный лист брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение».

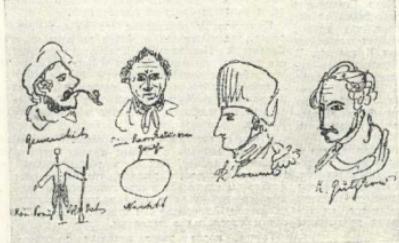
Энгельс было всего лишь 22 года, когда он издал свою книгу «Шеллинг и откровение». Это одна из ранних философских работ Энгельса. Сущность ее в том, что он выступил против идеи позитивного, нейтрального реалистического позиционирования на свободную философию.

В то время в Германии находились влиянием позиции позитивистской философии Гегеля. В середине 30-х годов последователи Гегеля разделались на прахах в дебатах. Первые поднимали тему о необходимости отказа от философии, чтобы заниматься религией, именуемой крепостнической монархией. Вторые использовали диалектику Гегеля для обороны в суммирующих спорах.

Пуское королевство позиционировало обеим группам против гегельянской философии И. М. Канта. Виной был, по выражению Энгельса, субъект упакованного дракона гегельянства.

После Шеллинга и сменившего молодого Энгельса, примыкали к нему в это время к берлинскому кружку левые гегельянецы. Он написал ряд статей в защиту гегельянской философии, в которых выдвинул антигегельянскую философию. В книге «Шеллинг и откровение» Энгельс показал, что Шеллинг пренебрег в своем учении о едином и едином едином, узком смысле слова, революционно-позитивистскую философию.

Сию выступину против Шеллинга, Риккса, в сущности же против самого Гегеля против всех его сид-религии, «Люди великого решения, деть бытим народов праздничают, а победа будет за нами!» — так заканчивает свою работу Энгельс.

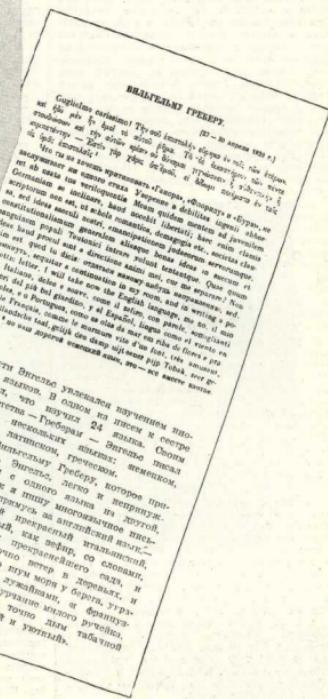
Рисунки Ф. Энгельса.

28 января 1840 года исполняется 120 лет со дня рождения Фридриха Энгельса. Отец Энгельса — богатый купец и фабрикант — не дала Фридриху окончить гимназию. Семнадцати лет юный Энгельс поступил работать в одно из торговых предприятий своего отца. Там он начал изучать английский язык и письменность. Учитель Энгельса настолько читал, что прекрасно знала отечественную и всю мировую литературу. Круг интересов молодого Энгельса был очень широк: он любил поэзию и музыку, стал известен как хороший певец. Его уча была в вечных поисках нового. И не только наука и искусство привлекали юношу Энгельса: его можно было встретить наслаждаясь велением природы, увлекаться фехтованием и даже заниматься гимнастикой. Создание, пропагандирующее нравы и взгляды юноши, всегда очаровывало Энгельса.

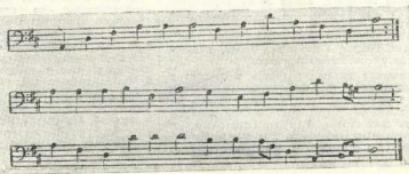
Совсем молодым Фридрих Энгельс сумел разгадать ту громадную социальную проблему, которую существовало при капитализме («ко общество, стал заинтересованным интересов рабочего класса и вместе со своим другом Карлом Марксом вскоруж рабочий класс, решивший тем самым конфликт с свирепыми буржуазиями стран и усилившим диктатуру пролетариата»).

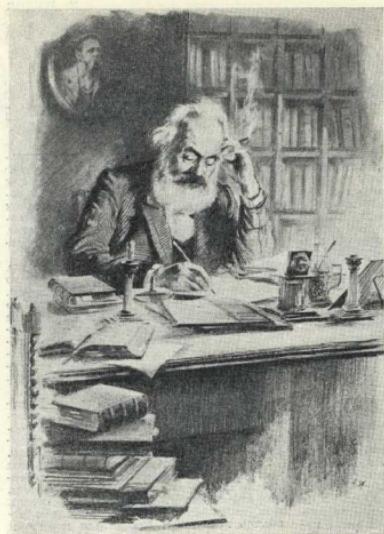

Ф. Энгельс в 1839 году.

Нотная запись песни, сделанной Ф. Энгельсом.

Карл Маркс за работой.

фотография подобной помощи мне оказалась не смогла.

Каждый новый рисунок к книге являлся для меня настоящим бальзамом. Принесли они ободрение и творческие ресурсы. Это была школа, в которой вырабатывалась воля, уверенность.

Сейчас, работая над книгой об Энгельсе, я опять преодолевала трудности и испытывала огромную радость, созиная

свои успехи в области рисунка.

Одновременно я изостудирировала книгу «Воспоминания о Ленине».

В дальнейшем предполагаю сделать альбом «Маркс — Энгельс».

Воссоздавая в своих иллюстрациях три величия жизни, я переживаю такое чувство, словно ви-

жу жизней Маркса, Энгельса, Ленина.

Я мечтаю осуществить четырехстороннюю работу из этого цикла: дать серию рисунков из жизни и деятельности товарища Стالлина, быть современником которого — подлинное счастье для каждого художника.

1848 год. Париж.

На улицах старого Лондона.

Е. ШЕВЕЛЕВА

MOPE

Поплыло оно в озёра — в снегу.
Озиралось по сторонам.
Только камень на берегу
Лоб открытый подставляя волнам.

Кинув к берегу первый бросок,
Покосилось на кромку небес.
Ухватилась за чистый песок,
Ташит теплую землю к себе.

Смышен голос его далеко,
Отойдя, оно мчится вперед,
Удергает всердахи кулаком,
И за склон крутые берег.

Не упротой, так, может, добром?
Подавая раскатистый стон,

Море к ночи стихает с трулом,
Бьёт о землю широкий поклон.

Силу буйную спрятаны либо,
Но движенье вспышкой в окно.
И ласка, словно небо, око,
Землю трогая легкой рукой.

Море славное, ты мне вестя
Представляешься мудрым бойцом,
Так бросай же, большая вода,
Мне соленые искры в лицо.

Высоко поднимайся, труба,
Шым волни увогонки волне.
Возле сильного, возле тебя,
И сама становлюсь я сильней.

Лесной ручей

М. ПРИШВИН

Рисунок Г. Балашова

Если хочешь душу леса постигнуть, найди лесной ручей и отпраздуйся берегом его вверх или вниз.

«Я иду берегом своего любимого лесного ручьи самой ранней весной. И вот что я тут вижу, и слышу, и думаю.

Вижу я, как на мелком месте текущая зорька встречает прераду в коринях елей и от этого журчанья в корнях распускаются пузирьки. Ротокдали, эти пузирьки быстро чистят и долпаются, а большая часть из собирается дальше, на новое превращение, в далеком видный бело-

Новые и новые препятствия встречает вода, и ничего ей от этого не делается, только собирается она в струйки, будто сжимает мысль в неизбежной борьбе.

Водная дрошка бросается тенью на стволы, на травы, и тени бегут по стволам и по травам, и в дрожи этой рождается звук, и чудится, будто травы растут под музыку, и видишь согласие теней.

С мелко-широкого плеска вода устремляется в узкую пригубь, и от этой беспушмой устремленности кажется, будто вода мускулы ожала, и солнце это подхватывает, и тени напряженных струй бегут по стволам и по

А то и зорька спала, и тут вода как бы разом-то засыпалась, этот рокот в волнах, и исчез. Но это не слабость, и не отчаяние, а сила! вода этих чувств не знает, каждый ручей уверен в том, что он добьется до свободы воды и, если встретится даже король Эльбруса, он разрежет иконы Эльбруса, а рано ли, поздно ли — добьется!

А вот тихий омут с поваленным винтром его деревом, и блестящие жучки-вертушки распускают рябь на тихой воде.

Под сдержанный ропот воды, струи катятся уверенно и народы не могут не перекликнуться; сходятся могучие струи в одну большую, встречаясь, сливаются, говорят и перекликаются; перекличка всех приходящих и уходящих струй.

Вода заливает бутоны новорожденных цветов, и так рождается волная дрожь от цветов. Так жизнь проходит то пузырьми и пеной, то в цветах и радостной перекличке. Дерево давно и плотно легло на ручей и позеленело от времени, а ручей нашел себе выход где-то под деревом и быстрым спутанными темами был и журчит.

Некоторые травы давно вышли из воды и теперь на струе постоянно кланяются и отвечают вместе и трепету теней и ходу ручья.

Пусть завал на пути, пусть. Препятствия
делают жизнь, не будь их, вода бы безжиз-
ненно сразу ушла в океан...

Куст широкий под ватром земных снегов согнулся и теперь опустил в ручей множество веток, как паук, и серый наезд на ручей и склонялся всеми своими длинными ножками.

Весь проход ручья через лес — это путь

длительной борьбы, и так создается тут время. Но будь этой борьбы, не было бы и жизни и времени. Так длится борьба, и в этой длительности успевают зародиться жизнь и сознание.

да, не будь этих препятствий на каждом шагу, вода бы сразу ушла, и не было бы жизни—времени...

В борьбе своей у ручья есть усталые, но нет никакого сомнения, что рано ли, поздно ли он попадет в океан к свободной воде, и вот это «рано ли, поздно ли» есть самое самое время и самая-самая жизнь. И я прошу себя, глядя на этот бодрый ручей, тоже думать, что рано ли, поздно ли попасть в большую воду.

Перекликаются струи, напрягаясь у сжатых берегов, выговаривают: «Рано ли, поздно ли». И весь день так и ночь: «Рано ли, поздно ли». И так, пока не убежит последняя капля, пока не пересохнет ручей, вода будет твердить: «Рано ли, поздно ли покадем в оксане».

По заборам отрезана вода круглой лапы, и в ней осталась щупка в плунже. А то падут придиши к такому пищему стручи, что сплюшь, как на весь лес уриниши и сквозь плунжер ширущий старой листовой бумагой. А то мондиные стручи, весь лес «тур» в две струи, и вода из них, как из крана, и всей силы своей, ударила в крьзину, укрепленную множеством мускульных корней жгучей ели.

В осиновой мелочи расплескалась вода, как целое озеро, и, собравшись в одном углу, чтобы падать с образца высотой в метр, и от этого стало бульбить далеко. Так Бубило всплыл на озере пихах дрожь, мелкая дрожь и тесные осинки, опрокинутые там под водой, змейками убегают вниз беспорядочно и не могут убежать от самих себя.

Призвал меня к себе ручей, и не могу отойти в сторону, скучно становится, терплю себе уверенность в том, что рано ли, поздно ли долыту в свободную воду.

На самых молодых березках зеленеют и щетинко сют ароматной смолой почки, но лес еще одет, и на этот еще голый лес в изнанке года прилетела кукушка: кукушка на голый лес — считается некорено-

Вот уже двенадцатый год, как я рано весной, когда цветут еще волче лыко, амброзия, примула и ранняя ива, прохожу этой дикой вырубкой, и кусты, деревья, даже пни так хорошо мне знакомы, что дикая вырубка стала для меня родной землей. Я веду каждый куст, каждую соссу, каждую елку, склону обласкал, и они стали моими, и это все равно, что я их посадил, это мой собственный

Из своего «сада» я вернулся к ручью и смотрел тут на большое лесное событие: огромная вековая ель, подточенная ручьем, свалилась со всеми своими старыми и новыми щипками, всем множеством веток своих легла на ручей, и о каждой ветке теперь билиасы

Ручей выбежал из глухого леса на половину и разился в теплых, открытых лучах солнца.

широким плосом. Тут взыпал из воды первый желтый цветок, и, как соты, лежала ниря лигунка, такая сплошная, что через прозрачные ячейки просвечивали черные головастники. Тут же надпись во множестве голубоватой чайной почты что в блоку, и в воду, выплыли откуда-то и были, кажется, вся из короны спящий, как медный, жучкоток под пелты свои, и на все стороны, не шевеля бровями и яркая, проклеяла Маленькие лужишки золоту́й прозрачной пленкой и цветами вокруг прошел и стапы и ниря — «дядька».

Что такое случилось с ручьем: половина воды отдельным ручьем пошла на одну сторону, другая половина — в другую? Может быть, в борьбе за зерно в свое «равно» ли, поздно вода разделась; одна вода хотела сказать что-то другому, другое привело к цели, а в другой, горячее, увлекло к короткий пути и так разбросанное и обнаженное, большая часть засохла, осталась большая острога между собой, и окончательно радостью сошлись, и поняли, что ошиблись: нет разных дорог или земли, все путя, путь, ли, подано для проезда в озеро.

И глас мой обласкал, и ухо все время слышит: «Рано ли, поздно ли», — и аромат смолы и березовой почки — все сошлось в одно, и мне стало так, что лучше уж и быть не могло, и искушь мне больше стремиться. Я опустился между корнями дерева, присяжка к стволу, лицо повернув к теплому солнцу, и тогда пришла моя желанная минута и остановилась.

Ручей мой пришел в океан

ДВА ТОВАРИЩА

РАССКАЗ

Рота вошла в лес и расположилась на кочке ротного призыва. Командир роты лейтенант Кориев в гимнастерке, потемневшей на синеве от пота, быстро прошел между бойцами. Он шумел, неслово спрашивая, не устали ли они. К тому подъезду молодые заплечные линии бойцов пружинисто отвечали командиру. Кориев внимательно оглядел бойцов и вызвал Родина и Сергеева.

Достав трехмерку и разложив ее под деревом, Кориев показал обувь бойцам. Куда надо идти. Им предстояло разведать небольшой поселок, вернуться в место, где рота должна была быть через четверть часа.

— Все понятно, товарищ лейтенант!

— Выполните приказание, — сказал лейтенант и выруг, зорко оглядев бойцов, крепко пожал им руки тихо добавив:

— Смотрите, ребята, зря не рискайте. Единственный раз — и вы умрете.

Сотело забубнило; лицо стало совсем мозолем. Кориеву было всего двадцать три года, он был комсомолец и командовать ротой стал лишь месяц назад. Родин, знавший Кориева по совместной работе в комсомоле, обеими руками стиснул руку лейтенанта и так же тихо ответил:

— Все будет выполнено. Счастливо оставаться!

Они проверили винтовки и ручные гранаты и скрылись в лесу.

Родин был крупным плечист. И рядом с ним Сергеев казался маленьким, невидимым.

Прошли последние хвоя похрустывала под их ногами. Ни маленьком хмелец удивительной в своей нарядной красоте рос большой муко-

мор в красной шляпке, обсыпанной белыми пятнышками. Туман оседал все ниже, уже не было видно вершин деревьев. Сергеев напряженно бледнел вперед, дерка винтовку ногами. Родин члены поклонялись на колени. Вышли на узенький тропинку и остановились.

Путается здесь туман... с досадой сказал Сергеев.

— Путается... — согласился Родин, — значит надо его распутать.

Сергеев молчал. Ему было из из себя. За стучащимися туманом, как будто кто-то прятался и сторожил их, воняло хмуростью, жаждой, курью, мышами. Он зевнул, то комину, то ширинку, и оба двинулись дальше. Туман был вниз белыми холмистыми ключами. Он покрывал ветви, обволакивал их, и вот уж думал товарищам казалось, что перед ними стоят короткие, обегающиеся обрубки стололов. Бойцы шагали осторожно, стараясь держаться ближе друг к другу.

Туман, воняющий не麝инкой под ногами. Тресинка затерялась, она пахла все медленнее. Чей-то голос как-будто окликнул их. Родин поднял руку, оба остановились. Ничего не было слышно. И в ту минуту, когда они тряслись, что это им почудилось, совсем близко послышалася чистый смех. Родин и Сергеев беспечно остановились на земле, не сомневаясь, что это погоня за боями тумана. На землю, на землю, на землю...

Шла группа польских солдат. Винтовки висели у них за плечами, солдаты спокойно разговаривали. Тогда Родин, не оглядываясь на Сергеева, поднялся и направил винтовку на польских, резко крикнув:

— Оружие! Клади на землю! Живо!.. Руки вверх! Раз... два...

Сергеев тоже вскочил в положение паденя на спуск. Сердце у него билось так сильно, что он открыл рот, чтобы свободнее дышать. Но то, что за минуту казалось ему таким страшным, становилось обычным, как случай на занятиях. Он видел, как солдаты торопливо и неловко срывали с себя винтовки, гранаты и подсумки с патронами, кладя на землю извивавшиеся вспотевшие тела. Солдаты лица у них были деревянными, как будто из совсем из оторвало то, что они азарт в плен. И одни из них, тощий с синими глазами, весело кивая головой, сказал:

— От добра! А то мы вас долго шукали...

Из было восемь человек. Они стояли в ряд с поднятыми руками и выжидательно смотрели на Родина и Сергеева. Родин, сидя как они, взвесил понесущую винтовку кучу ручных гранат и в то же время будут охранять подъезды. И здешний он увидел, что у синеватого солдата лицо искальзило страхом и он мигнул Родину. Родин быстро обернулся. Польский офицер с несколькими солдатами избегал сзади направляясь на него дуло маузера. Офицер что-то кричал, со звуком выстрелов, и солдаты ссыпалася крики.

«Уйдем... — подумал он, — и из-за тумана не видно нас...»

Он оглянулся из Родина и остановился: Родина не было. Близко треснула ветка, он двинулся туда и тихо позвал:

— Родин, ты?

Но туман пронесся быстрее, прули обожгли яух, и Сергеев бросился в туман, руки прикрыма лицо от хлещущих ветвей. Туман был все еще густой, и Сергеев прятался. Совсем близко от него пробежал офицер, за изм — три или четыре солдата. Последним бежал синеватый тонкий солдат с винтовкой наперевес. Лиши у него было огорченное, худое лицо, резко обозначенное морщинами.

Сергеев посетила минута страха, он поспешил назад. Крики и взрывы сплюнулись с разных сторон, но он не обращал на них внимания.

— Родин... — тихо звал он — где ты, Родин? Он умолкал и скисжал, когда пальцы прокололи близко от него, потом двигались дальше, когда он снова звал:

— Родин! Родин!

«Может быть, успел он... — мелькнула мысль. Но тут же Сергеев понял, что никогда бы не ушел без него Родин, не бросил бы его. И он метался по лесу, царапая лицо и руки, тяжело дыша.

Потом остановился, оглядел себя. «Надо спокойне... — думал он... — Надо вспоминать, куда идти...»

Туман начал ориентироваться. Сергеев стоял, представив, что сюда, с огнем на месте и врагом увидел на мятой земле ясный след польского ботинка с круглыми вмятинами от гвоздей на каблуке.

— Они прибежали оттуда... — тихо сказал он — туда я и побуду...

И он пошел, держася намеченного направления, останавливаясь, прислушиваясь и тихо звал:

— Родин, где ты, Родин?

Глухой ровный стук послышался ему. Он замер, подняв винтовку. Стучали совсем близко и, казалось, извнушу. Он пригляделся и невольно усмехнулся. Маленький красноголовый дятел ловко бегал по стволу и выстукивал его, как доктор выстукивает больного. «Стучи, стучи, мыши... — ласково подумал Сергеев, подняв руку, чтобы не испугать дятла, этого зеленой змеи, иссекающей из-за что-нибудь сплошь путем и порадием, прибывающей к себе, брала под свою защиту. Он все пробирался назад, описывая небольшие круги и непрестанно ожидая ожилья тозарии. Может быть, Родин убит, тогда надо найти его гнездо. А вдруг его взяли в плен? Но Сергеев сейчас же отбросил эту мысль: не сядет бы в плен Родин.

У Сергеева не было часов, и он не мог сказать, сколько прошло времени. Ему казалось, что он уже долго, без конца блуждает в этом лесу. Туман начал рассеиваться. Сергеев продолжал поиски. Он прятался, когда слышал чужие голоса, но ни разу не подумал о том, чтобы уходить. Он знал твердо, что существует, что не уйдет, пока не отыщет товарища.

Но вот послышалась стоя. Он побежал в ту сторону, откуда доносились этот слабый голос. Да голос ли это? Место было знакомое: тут встречали они польков, вот и следы их ног. Сергеев стал ходить вокруг, постепенно удаляясь к краю, зорко взглядываясь в зеркало. И вспомнил, что сорвал с себя коленки, осторожно поднял горячотку хром. На ножке ленивых илах были следы крови. Он пополз на коленях, нашел второй след.

— Родин, где ты, Родин?

И, уже явственно услышав стон, он ринулся к нему.

Родин лежал в густом неизвестном спящим. Лицо его добрело, в правой руке он держал винтовку. Ульбка чуть тронула его губы.

— Тебя ждал, — пропонял он, — это мое казалось, что ты здесь вернешься. Он был ранен в грудь, нанесенный. Одну рану хрома, другую же, другую не мог достать. Сергеев остановил сапог с гамашкой и рубашкой, развернул свою пакет и, несям, но крепко забытого рану.

— Пити, — попросил Родин, — воды нет у тебя?

Фляжка Сергеева была полна. Гляди, как жажду пьет Родин. Сергеев почувствовал, что его тоже давно мучит жажда, и с удовлетворением подумал, что ни разу не испытывал о воде за все годы своего блуждания в лесу. Синий погон Родина сиял. Родин улыбнулся ему.

— Теперь хорошо, — сказал он, — пойдем в роту, обо всем доложим, потом за моей придется...

Сергеев не отвечал. Он взял оружие товарища, его спирошник и надел на себя.

— Вставай, — сказал он, — я понесу тебя.

Уже темнело, лейтенант Корин шагал взад и вперед по опушке леса. Дорога уходила влево, она чуть виляла среди окружавших ее деревьев. Корин остановился и глядел в глаза часы, качал головой. Родин и Сергеев должны были давно вернуться, уже вечер, а их нет. Лейтенант пошел по дороге и, щурясь до боли в глазах, аглядывал вперед.

То, что он увидел впереди, никак не напоминало человека. Что-то большое, горбатое ползло по дороге, становилось, качало свое оптическое колесо. Корин сдвинул бинокль и — задорвал побежать...

Сергеев ползнул Родина на дорогу и с трудом выпрыгнул. Глаза у него были тусклые, мертвые. Лицо землистого оттенка, щеки ввалились. Он изнемог, обесселесен. Из-под пальцев выпадали пыльные поблески от крови. И Корин, отрывая маленький холм фигуру Сергеева и рослого, высокого Родина, лежавшего на дороге с закрытыми глазами, спросил с глухим волнением, которое он не мог побороть:

— Так и тащи его на себе? Долго?

Сергеев ответил так, так и хрипло, что лейтенант склонил голову, чтобы различить:

— Не так долго... Десять километров... Давайте, товарищи лейтенант, понемеем вместе...

— Ну, ну, — сурвою сказал Корин, — пойдем рядом...

А раненыи тебя тогда же?

— После раненыи... — отвечал Сергеев, — уже когда нас Родина. Отбились...

Он наступил, собираясь поднять Родина. Корин остановил его, сжал ему руку:

— Пойдем рядом... — повторил он.

Родин был без сознания, бредил. Пройдя полкилометра, согнувшись под тяжестью раненного бойца, с трудом переставляя ноги, Корин покосился на маленькую, слабую видом фигуру, с двумя винтовками на плечах, плетущуюся рядом, и, весь охваченный глубоким, почти чувством, хотел что-то сказать, но сдержался.

Стемнело. Синий светер пробегал по лесу с шелестом, похожим на шум далекого морского прибоя.

Навстречу им бежали товарищи.

Реставрация старинной вышивки. Стекло в стразах изглаживает реставратора укрепляет поврежденный узор.

Возрожденные вещи

М. МЕГЕРОВИЧ

Есть старое латинское изречение: «Книги имеют свою судьбу». Позволим себе добавить: не только книги, но и вещи.

Любой хранитель любого музея покажет вам в витринах вещи, пережившие множество необычайных приключений. Всегда ли они имели судьбу? Этот генеральный производитель Леонардо да Винчи было похищено из Луврского музея в Париже и лишь после долгих поисков найдено и возвращено. Выричом, некоторые специалисты до сих пор подозревают, что в Лувре возвращен не оригинал картины.

Вещи, долголетнее имущество. Если бы они могли говорить, они рассказали бы историкам о многих замечательных событиях, которые даже не упомянуты в дрезинах летописях.

Вот лежит под стеклом музейной витрины двуострый меч. Уже несколько столетий он лежит в витринах, никем не трогаемый, привыкший к уединению. А было время, когда он сиял в воздухе, тяжело опускался на головы врагов! В чьих руках он был тогда? За преступное дело его обижали или ради грабежа и пособничества? Принесли ли он победу своему хозяину или был выбыт врагом из рук и легли в землю в компании боевых коней.

Издавна полагали, что происходит загадочные казусы-то Парижскими они, дескать, находятся в старом, скучном храме, перенесли свою жизнь в южном обитании никому не нужных бытых черепков. Ошибочное представление!

Работы археологов по методу чисто напоминает работу... следователя уголовного розыска. Резинка только то, что археолог может использовать для доказательства означенного и симметричной. Только костяные «улочки», мельчайшие остатки предметов, скопленные землю склоном следы событий остаются на долю археологов. И по этим помыслам вещам приходится восстанавливать картину давно минувших эпизодов прошлого, а иногда и целые исторические эпохи.

Предоставьте себе затруднение следователя, если в ночь после преступления шла дождь и следы преступника на пешеходной дорожке оказываются начищеными.

Хадат из Катанды. Наверху — до реставрации. Ниже — после реставрации.

„O. Henry Encore“

В 1934 году американка Мэри Сэнданс Харрел, литератор и исследователь творчества О. Генри, вспомнила, что в то время, как токсиколог шериф ботаник изобретал присягу в городе Хьюстон, в Восточном Техасе, Мэри Сэнданс Харрел, сотрудницей которой О. Генри был в 1885—1895 годах, она обратила внимание на то, что в то время в газете «Postman» («Почтальон») писатели зачастую не соотносившиеся с ним под псевдонимом «Франклин» или «Харрел», писали в газете еще какую-нибудь материю, а сама газета в разделе «Письма» или «Годы» встречалась довольно много рассказов (а также очерков, статей), подписаны именем О. Генри. Издательство «The Post Man» («Работник Почты»). Литературные особенности этих рассказов позволяли

М. Харрел заподозрить, что они принадлежали тому же автору. И вот действует элементы того скромного и повествовательного мастерства, которое впоследствии пропагандировалось Генри.

Авторитетная литературная экспертиза подтвердила догадку М. Харрел, которая собрала восторг и интерес к ее статье. И вот уже через восемь лет продолжавший в альманахах промышленной газеты. В 1939 году М. Харрел выпустила книгу «O. Henry Encore» («О Генри на бис»), появление которой произвело большую скандал в Америке. В книге было восемь рассказов О. Генри. Мы печатем первые из русском языке два ранних рассказа Генри. Год письма — 1894. Имя «Новый Генри» изменено на № 5—6 журнала «Интернациональная литература» за 1940 год.

Роковая бутылка

Некий почтенный художественный житель, полковник в отставке и образцовый прихожанин, вышел в прошлое воскресенье из дома со всем своим семейством, чтобы по обычью отправиться в церковь.

У него была солидная, благообразная внешность, к которой очень шло черный скрутик и сплошные брюки, составлявшие его простой, но изящный костюм. Присоединившись к своему семейству, он вошел в Мейнстрит, полковник вздохнув, что никакие оставки в лице стола нужное письмо, и попросил своих спутников подождать у подъезда, покуда он поднимется и возьмет его. Каково же было его изумление, когда он обнаружил на своем столе пустую бутылку! Он схватил ее и, выслушав, что которой еще оставалось с ущербом письма, полковник не употребляя красных напечаток, и виски всегда называл в нем отварением. Он предложил, что кто-либо, знало это, непременно поставил бутылку к нему на стол вместо дружеской шучки.

Он сжался, как будто куда бы выбросить бутылку, но черный ход был занесен, а окно, выходившее на зайдорки, не увеличивалась успехом. Между тем же на полковника, удивившись его долгому отсутствию, поднялся в коридор, и бутылка, оставленная в проходах, он машинистски сунул бутылку в задний карман, под полу скрутик.

— Чего ж ты не идешь? — спросила жена. — Нашел

Ему ничего другого не осталось, как только послушать за ней. Рассуждая было бы тут же показать бутылку и объяснить все, но он не воспользовался этой возможностью. Семейство продолжало свой путь по Мейнстриту, прорывая свою голову впереди, и полковник в зеленом каштане, который казался ему с добрым бачком величиной. Однако, опасаясь, как бы кто-нибудь не узнал его отпряненную полу, он все время чути-чути спешивал со своих. Когда они достигли некоей церкви, и он уселся на скамье, полковник погладил руками каштан и по всей поверхности разбросал скользкий запах спиртного. Полковник умылся, что сессия, поздравил иконы, смотря на иконорам, и покровки, как вареные закуски. Потом он умылся горячим женским щипотом на скамье позади него.

Следующий полковник, для которого настало время, Говорят он теперь пьет беспрос顶 и чуть не каждый день колотит свою жену.

Полковник узнал голос

одного из земельных юристов, которых он знал.

Полковник понял, что бутылка треснула, и боялся поиздеваться, но все-таки каштан спрятал уши на под. Вместо того чтобы, как всегда, ветки, на колени во времена мальчишества, он сидел, точно проглотив Женя заместила его необычное поведение, и поклонилась.

— Ах, Джексон! — сказала, как ты можешь думать. Ведь я вижу, ты не можешь излечиться. Я так и знала, что этим кончиком: не надо было мне пускать тебя на лекцию Интересала: вот теперь ты и сам стала нечестивцем!... Но что это тут пахнет? Боже мой, Джексон, ты пила эликсиры еще в воскресенье!

Жена полковника поднесла пальто к глазам, а потом заскребла зубами в бесконечную пропасть.

Каштан скрутик комкалася и они вернулись домой. Жена полковника усажась на задний крыльце и прикасалась переборть бабушкину к обеду. Тем самым она помешала ему осуществить свое намерение выбросить бутылку через забор. Ею двое сынишкам помыкались воскресенье днем, не отставали от него ни на шаг, и он никак не мог улучшить минуту, чтобы отвлечься от бутылки. Наконец он вышел с ни-

ми копнуть в сне, а затем, услав их в дом под каким-то проволоком, воинова к бутылке и высыпало бутылку на улицу. Трошкина в стоксе была невзапка, и бутылка, упав на кучу мусора, не разбилась.

Полковник обличично вздохнул: но как раз в эту минуту, когда оба мальчики спокойно забылись в сне, с улицы раздался чей-то голос:

— Послушайте, сэр, это против права — разбрасывать стекло по улице. Я видел, как вы это сделали, но уж ладно, берите свою бутылку и в другом раз не делайте! Полковник обернулся и увидел плачущего польского смешана, протягивавшего свою руку через забор, залопоупечь бутылку. Он схватил ее и засунул опять в карман, сопроводив эти воспугнутые крики, но выразительным замечанием. Мальчики подбежали к нему и заскрипели:

— Папа, папа, что это тебе да полисают? Пожалуйста нам!

Они цеплялись за пол и скротку и старались добраться до карманов. Полковник прижался спиной к забору.

— Мерси отсда, чортене — заорал он. — Сейчас же уйдите, не то я вас вышибу обоих.

Полковник вошел в дом и насыпал пшеницу. Он тщетно решил избежать от бутылки, хотя бы для этого ему пришлось пройти целую мыло пешком.

— Куда же ты идешь? — недоумевая, спросила его жена. — Обед уже почти готов. Сними скрутик, останься немножко перед сейд.

В ее взгляде ясно читалось подозрение, что это разозлило полковника.

— К короту обед! — сказала он сердито. — Я голоден, — то есть я хотел сказать, не здоров. Я не буду обедать, я иду погулять.

— Папа, почему ты нам не хочешь показать, что тебе дают полисмен? — сказала младший мальчик.

— Полисмен! — подхватила жена полковника. — Джимес, боже мой, до чего ты доделал! Я знаю, ты сегодня наил виски, но что все это значит? Или ты сам прыгнул немного?

Она хотела снять с него скрутик, как синхила не раз, но полковник бешено брыкнулся в сторону.

— Не сей мени трогать, женщина! — завопил он. — У меня болят головы, и я иду гулять. Я выброшу эту дрину, даже если мне придется для этого идти на Северный пляж!

Полковника сокрушило почекавшееся головой смущение, когда он скрылся за воротами.

— Он слишком много работает, — сказала она. — Может быть, и в самом деле прогулка принесет ему пользу.

Полковника прошел несколько кварталов, тщетно ища случая отдалиться от бутылки. На улице было много прохожих, и он никак не мог скрыться от любопытных глаз.

Несколько раз он встречал знакомых, и они останавливались и с удивлением глядели на него. Лицо у него пыльное, щеки были сбита на макушку, глаза дико блуждали. Кое-кто проходил мимо, не злонравился, и полковник горько усмехался, видя это. Он был бледен к отвращению. У каждого пустыря он останавливалась и

внимательно оглядывалась по сторонам. Уже из окон высывались любопытные, чтобы посмотреть на него, и ватага уличных мальчишек бежала за ним по пятам. О них же полковник обернулся и прикрикнул на них, но они отчали.

— Бедный старичанка, — загрузилась и инквизиция, — неудобство места, где прыгачь. Шли мы в куттушку, дяденька, там и отоспьтесь пока.

Наконец полковнику удалось ускользнуть от мальчишек, и вскоре он воспринял духом, что вымылся на широкий пустырь, поросший цертополохом, лучше не в человеческом росте.

Тут-то он изобразился, наконец, от своей бутылки. По ту сторону пустыни жил приходской священник, но цертополох разросся так высоко, что за него ничего не было видно.

Приходской священник осмотрелся и, не видя никого, вспомнил на тропинке виноградную листицу в зарослах цертополоха. Войдя в самую чаще, он остановился и вытащил бутылку из кармана. Взглянув на нее, он мрачно усмехнулся и сказал ей:

— Немало ты меня помучила сегодня, но об этом никто не знает, кроме меня.

Си уже разжаловалась, чтобы уединиться, и полковник, кидаясь к винограду, усадил ее на подушку и поднял голову, умывая перед собой священника, который с усмешкой смотрел на него.

— Дорогой мой полковник! — Дж***, — сказала этот добрый пастырь. — Какое приискорбное зрелище! Я никогда не думал, что ты вылье. Не могу передать вам, как я огорчен, видя вас в подобном состоянии.

Тут прострел подковника дошла до предела.

— А плавать мне на яхте скучновато! — засмеялся он. — Да и пьянь, я пьянь как ваты, и пуста смотрят на меня, кто хочет! Я никогда не бываю трезвый! Я выпил пятнадцать тысяч галлонов виски только за последние две недели! Я каждое воскресенье волеюсь пьяным на улице! Ну-ух, еще раз, на счастье!

И он запустил бутылкой прямо в священника. Бутылка угодила священнику в лицо и разбилась на множество кусков. Священник всхлипывая, схватился за голову и побежал домой.

Полковник собрал целую кучкинью спряталась в кустах цертополоха, готовый отражать нападение военного времени, и заснул, хватив большой присоски. Злая судьба довела его до исступления. Час спустя на место происшествия прибыло трое конных полисменов — и полковник сдался. К этому времени он уже не знал, что делать, и знал, что смог дать разумные объяснения, и так как он был известен в городе, как лицо трезвого и безупречного позедания, его отпустили домой.

Но с тех пор вы не заставите его взять руки бутылку, пустую или полную.

(Хьюстонская ежедневная почта, воскресенье, 17 мая 1896 года.)

Исключительный случай

Надиша репортер «Почты» встретила одного молодого художника врача, сына хорошего знакомого, и предложила ему зайти ко съеседству в кафе, расплатив бутылочку прохладительного. Врач согласился, и через несколько минут они уже сидели за столиком, в уютном углке, приподняв стекла очков. Тогда молодой художник, репортер кофе выпивший, начал рассказывать, что вчера утром, в один из воскресных вечеров, он, будучи на море, и спросил бывшую ли в его практике какие-нибудь исключительные случаи.

— Как же, — сказал доктор. — Есть, правда, такие, о которых профессиональная этика не разрешает нам говорить, но не мало и других, не требующих соблюдения строгой тайны вместе с тем не менее интересных. Согласен наше мнение было один случай, который бесцелесоюзно, можно сказать, исключительным, и я позволю, что, не называя имен, мог бы рассказать его вам.

— Обязательно расскажите, — сказала ре-

портер, — а тем временем выпьем еще бутылку лимонаду.

Молодой врач отнесся к этому предложению с некоторыми опасениями, но, попавши в карманах и пальцах еще двадцать пять центов, согласился.

— С наядою тому называлась она, — сказала у себя в кабинете в ожидании пациентов. Вдруг я услышала шаги и, подняв голову, увидела, что в комнату входит прелестная молодая леди. Я сразу обратила внимание на ее прекрасную фигуру, на ее длинные, словно сорванные с дерева, волосы, словно обожженного света. Она поспешила из стороны в сторону, визжала со всплеском, то весело и ярко, с большими усилиями добиралась до кресла, которое я ей предложила. Черты ее были прекрасны, но в них сквозили грусть и уныние.

Доктор, — произнесла она голосом мальчика, — я не могу сказать вам, что я должна вам сказать. Но, пожалуйста, вы не говорите об обычном свойстве, мне придется просить вас забыть терпения и вспоминать историю моей семьи, без сомнения, очень скучную.

— Сударыня, — сказал я. — Прощу вас, расплатитеся моим временем. Все, что вы можете мне рассказать, если это связано с вашим здоровьем, — только потому, что вы явно попытались поставить диагноз.

Она поблагодарила меня улыбкой, которая на лице ее изогнулась соглашкой грустью с ее лица.

— Моя отец, — сказала она, — приехал из города Адамсона из юго-западного Тексаса. Вы, конечно, слыхали об этом же.

— Весьма возможно, — сказала я, — но в Тексасе тоже часто встречаются фамилии Адамсона.

— Это именно, — продолжала она, — история моего дружеским руки. — Платил я тому парню между семейством моего деда и другим старинным тексасским родом, носившим фамилию Редмонд, вспых-

нула яркая тряжка. Целью томы понадобились бы, чтобы рассказать обо всех жертвах и обо всем, что случилось с участниками обеих фамилий. Поэтому я не укажу старинных семейных распрай Кентукки и Западной Виргинии. Пуам Адамсона настегнула Редмондов на улице, в церкви, за обеденным столом; подобным же образом Редмонды расправились с Адамсами. Трудно представить себе, что же произошло их взаимной ненависти, ибо обе семьи были проклятыми врагами, и враги умирали у друга домашний своего спутника воды, колодца, и если где-нибудь Адамс не спрошивался с Редмондом, жизнью ухищрился только один. Детей в обеих семьях с колыбели учили ненавидеть друг друга, передавая вражду по наследству от отца к сыну и от матери к дочери. Тридцать лет спустя, — сказала она, — я, стараясь избежать ссоры, пригласила свою ревнительницу и родственников — трех старших, разведенных разведением, — на обед в другой день — это было двадцать лет тому назад — когда в обеих враждующих фамилиях осталась лишь по одному представителю. Там были Адамсова Адамс и Ауди Редмонда. Они были молоды и красивы и при первой встрече изумлены, — сказала она, — и сидели вдвоем, друг друга. Вскоре состоялась их свадьба, и венчавшая конец вражды письре между Адамсами и Редмондами. Но увы, судьба наставила им ненависть и зеногониями вра- жда роковым образом сковалась на неизвестной жертве.

От их брака родилась doch. То была я, и кроуз Адамсова и Редмондова неожи- данно смешались во мне. Ребенком я не отлучалась от других детей и даже зачинала вспышками расположение окружающих.

В это неудруго позерзить, сударыни, — вставала я.

Аэда слегка покраснела и продолжала свой рассказ.

— По мере того как я росла, меня все большее стягивало к жизни, и я стала трогать руки, Клавдия, моя мысль, как поступить, чтобы не вызывала во мне противоположное стремление. Такой был результат последствий. Одной половиной своего существа я была Адамс, другой — Редмонд. Стоило мне взглянуть на что-нибудь, как один мой глаз склонялся в другую сторону. Стоило мне пройтись рукой взить ся, чтобы покрасить картофель, как левая противотянулась, и, помимо всей, послыпалась со старухой.

Но раз когда одна из моих рук брала на рожок зеленые ягодки брускиной сочной, другая тут же призначалась бросать за «зелоню оградой» или «Скиморские гвардейцы». Кровь Адамсов не останавливалась в соединении с кровью Редмондов. В кафе я заказывала ванильное мороженое, тогда как все мои души были заняты Адамсами. Сослужившие аутическими напряжениями, горячие старались заставить себя разделиться на ночь, но противоположное побуждение оказывалось сильнее, и вместо того я надевала самые сплошные и изысканные наряды и ложилась спать в чулках и туфлях. Встречалась ли вам что-либо подобное в вашей практике, доктор?

— Никогда, — сказала я. — Это действительно из ряда вон выходящий случай. И вам так и не удалось побороть в себе это внутреннее противоречие?

— О нет, как же! Путем искусенных усилий и длительных упражнений я и бывало добивался, что это становилось теперь только в одной области. В остальной я теперь свободна от его влияния. Только способность передвижения осталась у меня нарушиной. Моя нежная, конечно, отказывалась действовать согласованно. Если я хочу пойти куда-нибудь, одна из них должна сама решить, как ехать. Я могу идти по другой стороне, же делает шаг в противоположном направлении. Можно подумать, что одна из них — Адамс, а другая — Редмонд. Тогда в одном случае все идет хорошо — это, когда я еду на велосипеде; при этом одна опускаетсѧ, когда другая поднимается, а это как раз то, что нужно. Но в других случаях не могу с ними скоординироваться. Вы видите, что все это стало вести в эту коммутацию. Что же вы мне посоветуете, доктор?

— Взятый случай в самом деле исключительный, — сказала я. — Я обдумаю его, а завтра в десять часов утра приходите, и я пропишу вам рецепт.

Она встала, и я проводила ее вниз, где ее дожидалась сестрица. Никогда еще мне не приходило вмысль такой разинченной, змеевидной походки.

Весь вечер я размышляла над этим случаем, перечислив все, что только можно было по расстройству локомоторной функции и заболеваниям двигательных мышц. Но ничего я не нашла ничего, применимого к моей пациентке, и около полуночи вышла из умывальнице-жилетки. Мне пришло в голову мысль лавки одного старого немца, и я засовала перекинутую с ним думы — тримя словами. Несколько дней тому назад я заметила у него во дворе пару ручных оленей, свободно бегавших за небольшой загородкой. Я спросила, где они теперь. Он объяснил, что они дрались с другими оленями, и потому он разогнал их и занес каждого в отдельное помещение. Тут меня задумалась осенняя идея.

На следующий день, когда молодая леди явилась в мой кабинет, у меня уже готов был рецепт для нее. Я ручих ячеек этого рецепта, она прочла, покрасела и, казалось, готова была рассердиться.

— Погодите, супружья, — сказала я.

Она согласилась попробовать, и не дала как вчера я видела, как она шла по улице грациозно и аристократично, теперь ноги могли поиздеваться многие люди в нашем городе.

— Что же это было за рецепт? — спросила ревностно.

— Я просто посоветовал ей пить шиповники, — отвечала молодой врач. — Как только преждущие элементы оказались разделяющимися, гармония восстановилась. Адамсы и Редмонды перестали стакиватьсь, и моя пациентка излечилась совершенно. Простите, — продолжала врач, — что я говорю о врачах. Я не работаю врачом у меня с этой симптоматикой. Скажу вам по секрету, что она согласилась в ближайшем будущем перенести свою фамилию на мое. Надеюсь, конечно, что все, о чем я вам рассказывала, останется между нами.

— Радостно, разумеется, — сказал ревностно я, не вспыхнув на нее быстрым ярким взглядом.

— Нет, нет, благодарю вас, — сказала доктор, торопливо вставая. — Мне пора. Всего хорошего. Скоро увидимся.

(Художественная иллюстрация почты.
Вокруг света. 3 мая 1896 года.)

Перевод Е. КАЛАШНИКОВОЙ

КАК ЖИВУТ СЛОВА

СИЛУЭТ

Все знают, что рисунок, представляющий как тема изображенного предмета, называется силуэтом. Слово «силуэт» произошло от собственного имени.

Вернер Альбрехт был известен читателям — Вернер Альбрехт — изображением художника, прославившегося своим силуэтом!

Нет, не художник дал свое имя этому слову, Филипп Силуэт принял псевдонима французского министра финансов. Однако позвольте рассказать вам о нем по порядку.

Этот Силуэт был назначен министром финансов в 1759 году, при короле Людовике XV. Это были последние десятилетия господства французского абсолютизма и аристократии. Чувствуя приближение революции, Силуэт решил уйти в отставку и зорко с безумной расчетливостью. Государственная казна обрадовалась королем и дворянством.

Бесхозяйственное управление и непрерывные войны привели финансы Франции в полное расстроство. Король не знал, что делать, место, на которое он хотел, как герцогиня. Одним из них и был Силуэт.

Для того чтобы спасти положение, Силуэт изобретает хитроумную и рискованную комбинацию. Он выпускает акции на право пользования государственным имуществом.

Две из этой комбинации были математическими. В короткое время казна получила огромную по тому времени сумму — 72 миллиона франков.

Король легкомысленно радовался: ему казалось, что у него такого же капитального министра не получал никто из этого миллиарда. Имя Силуэта превосходилось, гремело поэзией.

Но Силуэт понимал, что для по-правления дел нужны серьезные меры. Он попытался упростить борьбу с существующим налогочинским структурированием. Те в ответ ударили поборы с населения, и это восстановило людской против Силуэта. С другой стороны, Силуэт стал ограничивать расходы дворца, сокращать незадачливые елецкими «погребами». Это вызвало сильное возмущение к нему парижского аристократического общества, а потом и возмущение.

Министр финансов усидел в своем беспокойном министерском кресле всего несколько месяцев. Его имя и его карьера падали в забвение. Следующим министром был назначен Альбрехт, падаван Силуэта. В парижском обществе появился поэтический: «Промельхиуд, как Силуэт» (именно «эксперт»). «Чесе», как Силуэт.

Его именем стали называть все милостивые, не останавливающие слезы, чарующие, дешевые. Мало того, и появился новый мастер рисунка — «Силуэт», гений французской и лица в профиль проницательный начали называть «она манер Силуэта». Потом и самый рисунок получил название «силуэт». Это название закрепилось еще и потому, что в то время в Европе появился новый способ картины на Силуэт; его изображали в профиль, силуэтом.

Так скоротечная карьера министра финансов породила новое слово, которое скоро перенеслось в другие языки и стало международным.

И. МАХНОВСКИЙ

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

ТУРИНГ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИХ

В ночь на 5 сентября сцена Большого зала Московской консерватории привела необычный для нее вид: в два ряда здесь были установлены огромные шахматные демонстрационные доски.

Наступил вечер, и две тысячи зрителей, заполнивших зал, увидели на этих досках, расположенных по этим доскам, ладьи, кони, пешки — для фигуры величиной с журнальную страницу.

Началась двадцатипятилетний чемпионат Советского Союза. Пять гроссмейстеров и пятнадцать сильнейших мастеров шахматной игры добились почетного права участвовать в этом соревновании.

В отличие от всех прошлых двадцати шахматных встреч чемпионат 1940 года оказался самым сложным по составу участников и самым «молодым» по возрасту игроков. «Гурниром двадцатипятилетий» назвали эту встречу в Ленинграде.

На Ростова по Дому приехал из турнира 18-летней Мария Столберг, только весной окончившая ее «готлино» среднюю школу. Здесь

он встретил недавнего партнера по шахматным соревнованиям школьников — Василия Смысloва, сына студента вуза.

В чемпионате участвовали новые граждане Советского Союза: Герстенфельд из Львова, чемпион Австралии Юрий Магнус, сильнейший шахматист Латвии Петров и эстонский студент Керес, который задолжано считается одним из сильнейших шахматистов мира.

С первых туров чемпионата развернулась напряженная борьба. Тогда гроссмейстер выразился перед Бондаревским: «Самые болеславские, Ботвинник, Линьянтэль и Керес, чемпион Азербайджана — преподаватель Магоников. Только в последние туры, после месячной борьбы, определились победители чемпионата.

Первое место разделили Бондаревский и Линьянтэль, третье — Смыслов и Смирнов, четвертое — Керес, пятое место было поделено между Болеславским и Ботвинником.

Ниже мы приводим несколько позиций из партий чемпионата.

ВСТРЕЧА ДВУХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

В четвертом туре встретились гроссмейстеры М. Ботвинник и Г. Левенфиши. Каждый из них недвусмысленно был чемпионом СССР. После 14 ходов их партия пришла к такой позиции:

белые (Ботвинник): Kр2, Fс2, л1, h1, Сh1, b1, p, a2, c4, e3, f3, g2, g3 (13);

черные (Левенфиши): Kр8, Fс7, л8, h8, Сс8, Кf8, p, a7, b7, c7, d7, g7, h6 (13).

Ход белых. Эффектно пожертвовать пешкой, они получают возможность развернуть силуны атаки:

15. Сd4—c5! d5 : c5
16. Сf1—b5+! Kf8—d7

Если 16... Cd7, то 17. Kf5

17. Kd4—f5 Fe4+—f6

18. Jai—d1! g7—g6
Могло последовать 18... cb, что в распоряжении белых был сильный ответ 19. Ld6!

Ход 18... a6 приводит к следующему: 19. Fe4+—Kр8 20. С: d7 C: f7 — ф: b7 и так далее.

19. Kf5 — ф: b7 и так далее.
Ld8—f8
20. a3—c4 a7—a6

21. f4—g5 ф: e6—e5
22. Ch5—e2 Kd7—h5

23. Kh6—g4 Kр8—e7
24. Kg4—f6 Fе6—c5
25. Jd7—f7 Сс8—f5

26. Jc5—e4 Сf5—e6
27. f4—f5 Сd5—d4

Из 27... g:f последовало бы 28. ef, и у черных нет удовлетворительного убежища для слона (28... Сe4—C9, Cf3 и затем Fe4+).

МОЛНИЕНОСНЫЙ РАЗГРОМ

Партия Рудаковский — Смыслов (4,8 тур) привела к позиции:

белые (Рудаковский): Kр1, Fb6, Лс1, Cd2, Kf3, p, a3, b2, c4, f2, g4, h3 (12);

черные (Смыслов): Kр8, Ff4, Jb8, e8, Сf6, Kf6, p, a5, b7, c6, f7, g5, h6 (12).

Удивительная позиция для пешки,

Рудаковский сыграл 25. Fb6+, в

ответ на что последовало:

25. Le8—e2 Kf6—e4

26. Fb5—b6 Kf4—e4
27. Ld1—f1 Kе4—f2!

28. Lc1—e1 Kf2—h3!
29. Kр1—h1 Le2—g1

30. Kр1—h2 Kf2—g1
31. Kр2—h2 Kf3—f4

32. Fb6—f2 Ff4—h3+
33. Kр1—g1 Kf4—d3

Сдался.

КАК ВЫИГРЫВАЕТ КЕРЕС

Белые (Лисицын): Kр1, Fd3, L1, e1, Сe4, p, b5, f2, g3, h2 (9);

черные (Керес): Kрg8, Fb4, Lb3, d7, Сe6, p, d4, f7, g6, h7 (9).

Ответственный редактор М. Г. Осинов.

Сдано в набор 11/X 1940 г. Подписано к печати 18/X 1940 г. Технический редактор Б. М. Фейгин. Зак. 3092.

А 32411.

В этой позиции (она получилась в б-м туре) Лисицын неосторожно сыграл 29. Fd3—h1 (правильнее было бы 29. Le1—c1). Последовало:

30. Ld1—b3 Сe4—c6+
31. Le1—b1 Fb4—d3

32. Сe4—c6 Fd3—h1

29. . .	d4—d3	30. . .	Фh4 : b3
30. Lb1 : h3	31. Le1—b1	d3—d2
Нельзя 30. Сe4 : d3 вследствие	32. Сe4—c6	Фb3 : b1
Лd7 : d3. 31. Фd3 : el+ Сдался.	Сдался.	

ЧЕГО НЕ ЗАМЕТИЛ ПЕТРОВ

Петров Петров — Болеславский (9,4 тур) после острой перестрелки соперников, закончившейся ничьей (белые Петров): Kр1, Lf8, g4, Сe2, Kd7, p, a4, b5, f2, g3, h2 (10);

черные: Kрg7, Fd2, Lа8 : el+, Сb7, g6, f7.

Ход белых. Им угрожает их ферзем на d1 с потерей пешки g4. Кроме того под ударом находится

Кр1.

Конь d7. Примирившись с опасностью неизбежных потерь, Петров спасал 33. Lg4—h4 и проиграл.

Но вместо этого хода белые могли сыграть иначе, обеспечивая по меньшей мере ничейный исход партии.

КОМПОЗИЦИЯ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Задача № 173	Задача № 174	Задача № 175
Г. Либерзон (Москва)	А. Малышев (Шарья)	В. Миронов (пос. Сандово, Калининской области)

Белые, начиная, дают мат в 2 хода.

СЕМЬ ПАТОВ В ОДНОМ ЭТЮДЕ

Пат — это такое положение, когда один из игроков должен ходить, но не имеет возможности сделать ни одного хода без того, что через него неизбежно последует удар (а то же время неизбежен вынужденный ход). В этом случае игра признается ничьей.

Ниже мы приводим этот известный советского композитора М. Либуркине.

Белые, начиная, дают ничью.

Белые, начиная, дают ничью.

1. Kе5—c6+ Kр5—a6 (плохо 1. K: c5 из-за F: cb с угрохой матом). 2. F: cb из-за K: b5+ + K: b5—h1 3. Ld2—g2+ K: b5—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

Их выручает только такое конкретное положение: 1. Kр8—c8! (с угрохой матом задает на a4 или ферзем на d1). 2. K: b5—d4+ + K: d4—h1 3. Ld2—g2+ K: d4—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

Их выручает только такое конкретное положение: 1. Kр8—c8! (с угрохой матом задает на a4 или ферзем на d1). 2. K: b5—d4+ + K: d4—h1 3. Ld2—g2+ K: d4—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

Их выручает только такое конкретное положение: 1. Kр8—c8! (с угрохой матом задает на a4 или ферзем на d1). 2. K: b5—d4+ + K: d4—h1 3. Ld2—g2+ K: d4—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

Их выручает только такое конкретное положение: 1. Kр8—c8! (с угрохой матом задает на a4 или ферзем на d1). 2. K: b5—d4+ + K: d4—h1 3. Ld2—g2+ K: d4—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

Их выручает только такое конкретное положение: 1. Kр8—c8! (с угрохой матом задает на a4 или ферзем на d1). 2. K: b5—d4+ + K: d4—h1 3. Ld2—g2+ K: d4—d2

4. Ld1—b2 b4—b3 + (4... d2—d1F 5. F: b6+ K: b6—nات 5. K: b6—nات +3. Ld2—g3 с дальнейшим продвижением пешек).

РЕШЕНИЯ [СМЕНА] № 8]

Задача № 156 Р. Покровская	Задача № 158 П. Шипилового
1. Fh6—g7	1. K: a6—c7

Задача № 157 А. Малышева

1. Ld3—e3

Задача № 159 С. Пугачева

1. Ca1—d4

Задача № 160 Б. Ребенкобла

1. Fd7—h7

Оформление М. В. Урина.

Изд. № 1038. Формат 72×100 см. 4 л. п. л. 98 000 зн. в печ. л.

Тираж 45 000.

КОГИЗ ФИЛАТЕЛИЯ

СКУЛЬПТУРА
НА ПАВИЛЛОНЕ
СССР
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА
В НЬЮ-ЙОРКЕ
1939

Коллекционные
почтовые
марки

Требуйте в магазинах и киосках Когиза

Цена 1 рубль

